

Экономическая политика Веймарской республики

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАБИНЕТОВ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1919–1924 ГОДЫ

Татьяна ЕВДОКИМОВА^а, Сергей НЕВСКИЙ^б

^а Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета истории и права Волгоградского государственного социально-педагогического университета (400066, Волгоград, Проспект имени В. И. Ленина, д. 27).
E-mail: eva_tan@mai.ru

^б Кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46).
E-mail: nevskij@econ.msu.ru

Оικονομία • Πολιτικά

OIKONOMIA • POLITIKA

Введение

История Веймарской республики неотделима от истории экономического и политического развития Германии. Однако в отличие от политической истории Веймарской республики, проблематика и научные подходы к изучению которой в нашей стране существенно расширились в последние десятилетия, спектр вопросов при анализе экономического положения Германии в 1920-е годы в основном остался прежним¹. Репарационная проблема, хозяйственная демобилизация, гиперинфляция, планы Дауэса и Юнга, мировой экономической кризис традиционно рассматриваются с точки зрения их влияния на стабилизацию (или стагнацию) немецкой экономики и общества или в контексте международного положения страны. Трагический исход первой германской демократии обусловил отсутствие широкого научного интереса к практической

Аннотация

Статья посвящена анализу экономической политики первых кабинетов Веймарской республики в условиях преодоления послевоенного кризиса и перехода к стабилизации. Дается характеристика вариантов программ экономических преобразований, исследуется процесс подготовки и реализации институциональных реформ. Показана степень адекватности практической деятельности первых составов веймарских кабинетов «вызовам времени» и конкретным потребностям германского общества. Главное внимание акцентируется на создании прочных основ социально-ориентированного государства, а также на решении репарационной проблемы.

Ключевые слова: Веймарская Германия, экономическая политика, идея «социального государства», репарации, гиперинфляция, институциональные изменения, финансовая реформа, денежная реформа, Рейхсбанк, политика стабилизации.

JEL: E31, E58, N44, O23, P16.

¹ Конечно, это не относится к многообразию работ, затрагивающих различные аспекты экономической истории Веймарской Германии, которые представлены в зарубежной, прежде всего немецкой, историографии. Актуальный библиографический обзор см., например, в: [Knortz, 2010. S. 273ff.].

деятельности часто сменявшихся коалиционных кабинетов Веймарской республики, особенно на фоне того факта, что большая часть экономических элит предшествовавшего кайзеровского периода не просто сохранила сильные позиции, но и неизбежно стояла на защите интересов рынка. Зачастую в исследованиях также упускается из виду круг проблем, связанный со спецификой конституционного устройства экономической системы Веймарской Германии, с особой ролью представительства промышленных и аграрных интересов, с влиянием корпоративных объединений, с развитием трудовых отношений (прежде всего системы соучастия в принятии решений и производственных советов на предприятиях), с социальной политикой и экономической деятельностью государства². Дистанцируюсь от порой встречающихся у отечественных авторов [Попов, 2013] чрезмерно категоричных оценок результатов экономических решений отдельных веймарских политиков и не обходя вниманием немногочисленные русскоязычные труды, посвященные анализу экономических воззрений видных представителей германской властной элиты [Крети́нин, 2000; Молодчик, 2001; Стрелец, 2012], а также хозяйственных программ последних веймарских правительств [Лопатина, 2013], авторы настоящей статьи предпринимает попытку междисциплинарного исследования экономической политики кабинетов Веймарской республики³.

В историко-экономической литературе традиционно выделяют следующие стадии развития Веймарского государства: (1) фазу реконверсии, завершившуюся гиперинфляцией (1919–1923 годы); (2) этап относительной стабилизации, начавшийся после оздоровления финансовой и денежной системы (с 1924 года) и продолжавшийся до октября 1929 года; (3) период мирового экономического кризиса (Великая депрессия), в тисках которого германское хозяйство находилось более трех лет (1929–1933 годы). На каждой из этих стадий германское правительство обладало различным потенциалом практических действий для разрешения насущных экономических проблем. Настоящая работа нацелена на выявление взаимосвязей между экономическими вызовами времени и степенью адекватности ответов на них правительственных кабинетов на первом этапе развития Веймарской республики — в 1919–1924 годы. Авторы не случайно включили 1924 год в хронологические рамки исследования, рас-

² Здесь, правда, следует отметить недавно появившуюся работу Западносибирского центра германских исследований, в которой подчеркивается особенность Веймарской республики как социального государства, что соответствующим образом влияло на реализацию курса экономической политики германского правительства [Корнева и др., 2014. С. 97–151].

³ В состав кабинетов Веймарской республики входили главным образом представители следующих партий: реформистски настроенной Социал-демократической партии Германии (СДПГ); католической партии Центра (ПЦ), имевшей самый широкий социальный состав и объединявшей представителей различной политической ориентации; либеральной Немецкой демократической партии (НДП) — так называемой партии непрактичных интеллектуалов; либеральной, но с сильно выраженным антидемократическим уклоном Немецкой народной партии (ННП); консервативной, националистически ориентированной Немецкой национальной народной партии (НННП) и консервативной Баварской народной партии (БНП), формально считавшейся региональным отделением ПЦ. Подробнее о партийно-политическом ландшафте Веймарской республики см., например: [Neumann, 1986].

смаатривая его как важную переходную веху от кризисных 1919–1923 годов к последующему периоду стабилизации, хотя и кратковременному. Анализ проблемы репараций, представленный во втором разделе, также выходит за рамки обозначенного периодизацией диапазона, что позволяет более тщательно проиллюстрировать весь спектр методов, посредством которых германское правительство пыталось решить этот вопрос вплоть до начала 1930-х годов.

1. Дискуссии о путях экономического развития послевоенной Германии

Решающим фактором влияния на развитие германского государства в 1920-е годы стали итоги Первой мировой войны, в результате которых страна понесла большие материальные и людские потери. По условиям Версальского мирного договора, подписанного 28 июня 1919 года, изменились демографический состав населения и географические контуры Германии, которая лишилась 10% населения и 13% территории [Stammen, 2001. S. 326f.]⁴. Была значительно сокращена армия, демилитаризация коснулась всех видов вооружений. Стране предстояло выплатить огромную сумму репараций. После окончания войны Германия изменилась не только территориально, но и политически. Как и другие западноевропейские страны, а также США, она стала на путь создания современной массовой демократии со всеобщим равным избирательным правом, а также «социальной демократии» (или демократии, подкрепленной принципами «государства благоденствия»), несмотря на то что соответствующие «стартовые условия в межвоенный период — прежде всего система международных отношений и экономическая ситуация — были крайне неблагоприятными» для развития всех этих институтов [Müller, 2014. S. 570]⁵. Так или иначе, в результате революции, начавшейся осенью 1918 года, Германия была преобразована в республику, претендовавшую на то, чтобы стать настоящим социальным государством. Для этого существовал ряд веских оснований. Прежде всего — это приход практически на все руководящие посты Веймарской республики социал-демократов, а также давние традиции социально ориентированной государственной политики, проводимой со времен Бисмарка. Важной особенностью было и то, что преодоление последствий войны во многом стало зависеть от регулирующего воздействия государства на все стороны социально-экономической жизни.

В условиях существования различных представлений об идеале будущего общественного порядка перед Германией встал вопрос о выборе пути дальнейшего экономического развития. После того как социалистическая модель Советов в ходе революции 1918–1919 годов исчерпала свои идеоло-

⁴ В результате страна лишилась 15% своих сельскохозяйственных территорий, 75% добычи железной руды и 68% добычи цинка, а также 44% производственных мощностей по выплавке чугуна, около 38% по производству стали и 26% по добыче каменного угля [Henning, 1997. S. 52; Hardach, 1993. S. 24].

⁵ Как известно, идея построения «западной демократии» на всем европейско-атлантическом пространстве возникла еще во время Первой мировой войны.

гические возможности, во вновь образованном правительстве Филиппа Шейдемана⁶ в конкурентной борьбе столкнулись две основополагающие концептуальные позиции. Сторонники одного подхода требовали далеко идущего обобществления средств производства в соответствии с теорией общности (*Gemeinschaft*) — планирования, установления общественного контроля над производством и распределением, огосударствления отдельных отраслей промышленности, совместной работы предпринимателей, рабочих и потребителей. До революции такие взгляды разделял, в частности, представитель одной из крупнейших электрических компаний Вальтер Ратенау⁷, который, возглавляя сырьевой отдел в прусском правительстве в годы войны, успешно применял на практике методы государственного регулирования экономики. Он теоретически обосновал смешанную модель хозяйственного устройства, сочетавшую в себе черты частнособственнической и обобществленной экономики, управляемой государством и одновременно опирающейся на самостоятельные производственные объединения. Ратенау предлагал использовать силу государства для регулирования социально-экономических отношений в целях рациональной организации производства и проведения социальных реформ [Молодчик, 2001].

Сторонники другого — либерального — подхода, напротив, стремились к ограничению и устранению диктата государства в экономике, выступая за восстановление свободного рынка и акцентируя внимание на силе действия законов спроса и предложения. Представителем данной точки зрения, в частности, был подполковник Йозеф Кёт, которому по окончании войны было поручено реализовывать программу экономической демобилизации. Он выступил решительным противником общественного хозяйства и социализации.

Когда перед правительством Шейдемана встал вопрос об избрании методов перехода экономики с военных рельсов на мирные, то Рудольф Виссель⁸ и его статс-секретарь Вихард фон Мёллендорф поддержали доктрину «коллективной экономики» и политику обобществления, а Георг Готхайн, Гуго Пройс и Бернхард Дернбург⁹ — либеральную модель хозяйственного устройства [Wissell, 1983. S. 149f.]. Шейдеману приходилось балансировать между обоими концептуальными подходами. Непримирымый сторонник дирижизма Виссель требовал от канцлера проявить четкую позицию относительно пути восстановления послевоенного хозяйства, предупреждая, что одним лавированием вряд ли удастся спасти положе-

⁶ Филипп Шейдеман (1865–1939) возглавлял первый кабинет Веймарской республики с 13 февраля по 21 июня 1919 года; член СДПГ.

⁷ Вальтер Ратенау (1867–1922) — промышленник, финансист, интеллектуал. Являлся совладельцем, председателем наблюдательного совета, а позднее — президентом основанного его отцом Эмилем Ратенау концерна АЕГ. В первые годы Веймарской республики занимал пост рейхсминистра восстановления народного хозяйства, а также рейхсминистра иностранных дел; член НДП.

⁸ Рудольф Виссель (1869–1962) — рейхсминистр экономики и труда; член СДПГ.

⁹ Георг Готхайн (1857–1940) — рейхсминистр финансов, член НДП; Гуго Пройс (1860–1925) — рейхсминистр внутренних дел; член НДП; Бернхард Дернбург (1865–1937) — статс-секретарь имперской колониальной службы, вице-канцлер, рейхсминистр финансов; член НДП.

ние¹⁰. В конечном счете было принято коллегиальное решение кабинета: отклонить проект создания «коллективной экономики» [Brecht, 1966. S. 273f.]. К этому вопросу пришлось вернуться и во втором правительственном кабинете, который возглавил Густав А. Бауэр¹¹. Новый рейхсканцлер, хотя и заявлял, что его целью является создание социального рабочего государства, однако выступил против программы Висселя¹². Министр продовольствия Роберт Шмидт (СДПГ) также не поддержал позицию министра экономики, аргументируя это тем, что в данном случае капитал не экспроприируется, а потому не учитываются положения Эрфуртской программы 1891 года [Винклер, 2013. С. 99]¹³. За подобной революционной риторикой скрывались опасения предстоявшей значительной растраты государственной казны, которая и без того была совершенно истощена. 12 июля 1919 года Виссель подал в отставку. Тем не менее еще 8 июля Бауэр объявил о намерении сделать социализацию ряда отраслей промышленности основным направлением своей политики; однако 25 ноября проект обобществления был отклонен, не найдя поддержки ни в кабинете, ни в коалиционных партиях¹⁴.

Итак, на фоне столкновения противоположных взглядов и концепций, а также под давлением внутри- и внешнеполитических ограничений перед Веймарским государством встала непростая задача — сформировать новый, социально ориентированный экономический порядок в условиях острого дефицита материальных ресурсов.

¹⁰ AdR (WR). Das Kabinett Scheidemann: 13. Feb. bis 20 Juni 1919 / Bearb. von H. Schulze. Boppard am Rhein, 1971. Dok. 62. S. 270, 271.

¹¹ Густав Адольф Бауэр (1870–1944) — статс-секретарь имперской службы по труду, рейхсканцлер (с 21 июня 1919 по 27 марта 1920 года), вице-канцлер, рейхсминистр финансов, рейхсминистр путей сообщения; член СДПГ.

¹² AdR (WR). Das Kabinett Bauer: 21 Juni 1919 bis 27 März 1920 / Bearb. von A. Golecki. Boppard am Rhein, 1980. Dok. 20. S. 93.

¹³ Отклонив концепцию политики обобществления и плановой экономики, кабинет, впрочем, поддержал позицию Висселя и Мёллендорфа относительно того, что для Веймарской республики «была необходима интеграция экономической, финансовой и социальной политики» [Müller, 2014. S. 576].

¹⁴ Здесь следует отметить, что сами понятия «общий интерес» или «общее благо» вовсе не отождествлялись исключительно с государствлением хозяйственной системы. Появившиеся в ходе общественной дискуссии и парламентских дебатов, то есть в плюралистическом процессе в рамках демократии, эти и другие термины, такие как «общественная экономика» (*Gemeinwirtschaft*), «народная общность» (*Volksgemeinschaft*) или «народное общественное хозяйство» (*Volksgemeinwirtschaft*), в данном контексте имели связь с политическим единением граждан, с демократией. При этом, как подчеркивает немецкий историк Тим Мюллер в своем недавнем исследовании о взаимосвязи демократии и экономической политики в Веймарской республике, «эти определения вовсе не свидетельствовали о слабости демократии; напротив, они указывали на необходимость политической консолидации и определения границ социального неравенства в рамках демократии» [Müller, 2014. S. 578]. Прежде всего понятие «народная общность» пересекалось с социал-демократической и буржуазно-либеральной концепцией, которая предполагала интеграцию всех социальных слоев и групп в рамках новой демократии. Но несмотря на всё многообразие путей формирования демократических систем в различных странах Запада и противоречивые трактовки соответствующих основных понятий, всё же было бы неверным игнорировать наличие общих моментов. Так, например, в Великобритании межвоенного периода либерализм также не исключал «коллективистской составляющей», где индивид зависел от того или иного социального объединения, политическая свобода предполагала определенный уровень хозяйственной унификации, а «общее благо» и «социальная справедливость» (так же как и в Германии) являлись ключевыми терминами. То же самое можно сказать и о других западноевропейских странах (например, о Дании, Франции, Швеции), а также о США [Müller, 2014. S. 577f.].

2. Ремонтная проблема и поиски ее решения

На определение экономического курса кабинетов Веймарской республики существенно влиял внешний фактор. Оказавшись в крайне непростом международном положении, Германия стала искать себе союзников, способных помочь ей стабилизировать экономическую ситуацию. Возмущение президента Фридриха Эберта¹⁵ заключением Рапальского договора с Советской Россией в 1922 году объяснялось не только превышением рейхсканцлером Йозефом Виртом¹⁶ и рейхсминистром иностранных дел Вальтером Ратенау своих конституционных полномочий, но и опасением, что путь к кредитам Запада в результате этого может быть закрыт. Эберт, отличавшийся прозападными и антикоммунистическими взглядами, расценивал данный договор «как политическую ошибку» [Артемов, Кардашова, 2001. С. 198 и далее]. Напротив — Вирт и Ратенау выступали за развитие торгово-экономических отношений на Востоке. Вирт неизменно отличался просоветскими симпатиями¹⁷. Ратенау, хотя и был сторонником сотрудничества с Западом, однако в отношении России он, еще в бытность свою президентом концерна *AEG*¹⁸, сделал следующее заявление (совместно с председателем правления концерна Феликсом Дейчем¹⁹): «Срединная и Восточная Европа являются соседями, экономически взаимно дополняют друг друга, их связывают общие бедствия, а Россию и Германию — общая судьба побежденных. <Необходимо> разумно и тщательно использовать имеющиеся точки соприкосновения, развить их...» [Записка руководителей АЭГ, 1957. С. 186]. Собственно это и подтолкнуло Вирта предложить Ратенау пост рейхсминистра иностранных дел.

На фоне враждебных отношений с Францией германским политикам не оставалось ничего другого, кроме как использовать противоречия держав-победительниц между собой и с Советской Россией, а также надеяться на поддержку США, превратившихся после Первой мировой войны в крупнейший мировой финансово-экономический центр. Именно от США во многом зависело решение германского ремонтного вопроса.

Ремонтная проблема оставалась одной из важнейших — если не самой главной — на протяжении всего существования Веймарской респуб-

¹⁵ Фридрих Эберт (1871–1925) — первый рейхспрезидент Веймарской республики (с февраля 1919 по февраль 1925 года); член СДПГ.

¹⁶ Йозеф Вирт (1879–1956) — рейхсминистр финансов, рейхсканцлер (с 10 мая 1921 по 22 ноября 1922 года), рейхсминистр иностранных дел, рейхсминистр оккупированных территорий, рейхсминистр внутренних дел; член ПЦ.

¹⁷ После своей отставки с поста рейхсканцлера Вирт станет соучредителем концессии по производству лесостроительных материалов в Советском Союзе «Молога-Хольциндустри» (*Mologa-Holzindustrie*). См.: Архив внешней политики РФ. Ф. 165. Оп. 6. Пап. 131. Д. 184. Л. 70, 74. В 1927 году (в результате свертывания в СССР нэпа) концессия была ликвидирована [Кнарр, 1973. С. 169f.].

¹⁸ *Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft* — Всеобщая электрическая компания; основана в 1883–1887 годах немецким инженером и предпринимателем Эмилем Ратенау.

¹⁹ Феликс Дейч (1858–1928) — основатель и член правления ряда промышленных компаний, председатель Совета директоров *AEG* в 1915–1928 годах.

лики. Оценивая сумму репараций, размер которой был первоначально установлен в 226 млрд золотых марок²⁰, но затем (5 мая 1921 года) официально зафиксирован на уровне 132 млрд золотых марок (плюс ежегодное изъятие 26% общей выручки от экспорта)²¹, советский дипломат Иван Михайлович Майский сравнивал с «детской игрушкой» контрибуцию в 5 млрд франков, которую Германия по окончании Франко-прусской войны в 1871 году выставила Франции. Он же отмечал, что «сам “железный Бисмарк” кажется крошечным ягненком по сравнению с господином Пуанкаре» [Майский, 1924. С. 26].

Репарационный вопрос стал предметом обсуждений на многочисленных международных конференциях. Важнейшими этапами решения этой проблемы были: Парижские постановления от 29 января 1921 года, затем две Лондонские конференции 1921 года (в том числе Лондонский ультиматум от 5 мая 1921 года), а также 1924 года (план Дауэса), Гагская конференция 1929–1930 годов (план Юнга), мораторий Гувера (1931 год), Лозаннская конференция 1932 года²². Не случайно планы по экономической стабилизации Германии, необходимой для выплаты репараций, носили имена американских банкиров и политиков. Сумма репараций менялась: на смену чрезвычайно высоким требованиям приходили более умеренные, не в последнюю очередь ввиду того, что Франция, считавшая себя главной победительницей в войне, постепенно утрачивала свои лидирующие позиции в Европе. Примечательно, что согласно плану Дауэса, вступившему в силу 1 сентября 1924 года, определялись лишь объемы ежегодных выплат и формы изъятия²³, при этом сознательно не оговаривался размер общего долга, а также окончательные сроки выплаты, что должно было оказывать определенный положительный психологический эффект на немцев [Knortz, 2010. S. 106]. До тех пор пока ежегодная сумма выплат оставалась неизменной, правительству ничего не угрожало и оно могло чувствовать себя

²⁰ Так, на основании Парижских постановлений от 29 января 1921 года предполагалось, что Германия с 1 мая 1921 года должна будет выплачивать ежегодно: сначала по 2 млрд марок золотом в течение двух лет, затем по 3 млрд в течение последующих трех лет, затем по 4 млрд марок в течение трех лет, далее по 5 млрд марок еще в течение трех лет и, наконец, по 6 млрд марок золотом на протяжении 31 года. Всего до 30 апреля 1963 года Германия должна была выплатить сумму в 226 млрд золотых марок. Кроме того, предусматривалось дополнительно изъять около 43 млрд золотых марок по точно не определенным статьям, а также 12% от ежегодной суммы, вырученной от экспорта продукции [Henning, 1997. S. 74]. Следует отметить, что согласно 262 статье Версальского мирного договора «золотая марка» устанавливалась в качестве валютной единицы при расчете германских репарационных обязательств, в связи с чем в отношении нее устанавливался паритет старой имперской золотой валюты, законно действовавший по состоянию на 1 января 1914 года. При этом золотая марка продолжала оставаться только единицей стоимости, но не средством платежа [Rittmann, 1986. S. 63f.].

²¹ Из общей суммы репарационных выплат 52% должна была получить Франция, 22% Великобритания, 10% Италия, 8% Бельгия и 8% остальные более мелкие союзники [Hardach, 1993. S. 32].

²² Всего же для урегулирования репарационного вопроса потребовалось провести 15 союзнических конференций, а также 10 союзнических конференций с участием немецкой стороны и 25 обращений с дипломатическими нотами. Кроме того, были проведены многочисленные дополнительные встречи и заседания соответствующих экспертных комиссий.

²³ Так, в первый год (до 31 августа 1925 года) предполагалось выплатить 1 млрд марок, затем — до 1928/1929 года — сумма ежегодных выплат должна была постепенно увеличиться до 2,5 млрд марок и далее выплачиваться ежегодно без какого-либо ограничения по времени (причем половину этой суммы на протяжении 36 лет следовало изымать из прибыли промышленных предприятий и железных дорог).

уверенно, рассчитывая на получение международных займов — сначала в размере 840 млн, затем 140 млн, а в 1925 году — 1,5 млрд марок золотом [Варга, 1974. С. 417]²⁴. Но стоило на основании вступившего в силу с 1 сентября 1929 года плана Юнга снизить сумму репараций до 113,9 млрд марок и установить срок выплаты в 59 лет (что предусматривало сохранение репарационного бремени до 1988 года²⁵), как национальная оппозиция выступила с протестом, потребовав проведения референдума по отклонению этого плана.

Среди членов правительства Веймарской республики были как те, кто поддерживал необходимость выполнения условий Версальского договора, в том числе выплату репараций (сторонники «политики выполнения» — *Erfüllungspolitik*), так и те, кто жестко критиковал международные санкции и репарационные обязательства, наложенные на страну. К числу первых относился прежде всего рейхсканцлер Йозеф Вирт, который занял пост своего предшественника Константина Ференбаха, чей кабинет отказался принять Лондонский ультиматум, определявший общую сумму репараций в размере 132 млрд золотых марок. Правительство Вирта в мае 1921 года безоговорочно приняло ультиматум союзнических государств, и Германия выплатила в установленные сроки первый транш в объеме 1 млрд марок. Это дало повод британскому послу лорду Эдгару В. Д'Абернону сделать следующую запись в дневнике: «За 14 дней под руководством Вирта удалось осуществить значительный шаг вперед, который был намного важнее того, что сделали за год Ференбах и Симонс» (цит. по: [Schulze-Bidlingmaier, 1985. S. 220])²⁶. Выполнение репарационных обязательств, по мнению Вирта, должно было соответствовать германским возможностям, но прежде всего служить завоеванию доверия стран-победительниц, и в первую очередь США и Великобритании, чтобы в итоге добиться сокращения репарационного бремени. Начавшиеся осенью 1921 года стремительный обвал денежной единицы и рост инфляции свидетельствовали о том, что за это пришлось заплатить крайне высокую цену²⁷.

В исследованиях довольно часто можно встретить утверждение, что именно бремя репараций стало одной из основных причин инфляции, которая перманентно проявлялась на протяжении всего Веймарского периода. При этом большинство историков связывают инфляцию и особенно затягивание мер по стабилизации валюты не столько с самой «политикой выполнения» условий мирного договора, сколько со стремлением подорвать выплату непосильных репарационных обязательств.

²⁴ Всего же в период с конца 1923 по лето 1929 года Германия получила в качестве зарубежных займов (в основном от США) около 21 млрд рейхсмарок [Henning, 1997. S. 86].

²⁵ Еще в 1919 году Константин Ференбах (ПЦ), занимавший пост президента рейхстага (а с 25 июня 1920 по 4 мая 1921 года — рейхсканцлера), предупреждал о репарациях, которые должны будут платить еще не рожденные в то время дети Германии [Wecker, 1973. S. 144].

²⁶ Вальтер Симонс (1861–1937) — рейхсминистр иностранных дел (с 25 июня 1920 по 4 мая 1921 года), президент Имперского суда (с 1922 по 1929 год). В 1925 году после смерти рейхспрезидента Эберта до проведения выборов нового главы государства временно исполнял эти обязанности; беспартийный.

²⁷ Исполнение Германией своих репарационных обязательств ложилось тяжким бременем на государственный бюджет: в 1921 году сумма репарационных выплат составляла не менее 32,4%, а в 1922 году — 35,7% всех государственных расходов страны [Джеймс, 2003. С. 25].

Классическим примером использования сложной экономической ситуации, усугубившейся не только ростом инфляции, но и чередой других кризисов конца 1920-х — начала 1930-х годов, может служить политика рейхсканцлера Генриха Брюнинга²⁸, который для доказательства неспособности Германии осуществлять выплату репараций ссылался на Великую депрессию и ее последствия. До этого с аналогичными заявлениями выступал рейхсканцлер Герман Мюллер²⁹, при котором, собственно, и начался всемирный кризис. Однако в то время мировое сообщество не пошло ему навстречу, аргументируя это тем, что заявленная неспособность Германии выплачивать репарации мало совместима с ассигнованием ею значительных средств на строительство тяжелых броненосцев³⁰. Однако рейхсканцлеру Брюнингу поверили. Целью его политики было «освобождение» страны от репараций³¹, которые блокировали внешнеполитическую активность в силу их значительных объемов и негативного психологического воздействия. 6 июня 1931 года Брюнинг публично заявил, что «экономическое и финансовое положение империи, которому также угрожает ситуация извне, властно принуждает Германию к отказу от невыносимых репарационных обязательств» [Fröhlich, 2002. S. 285]. Намереваясь добиться ревизии плана Юнга с целью полного прекращения выплаты репараций, он стремился прежде всего не допустить создания единого фронта между Францией и Англией³².

Когда в июне 1931 года американский президент Герберт К. Гувер объявил мораторий на выплату репараций, Брюнинг поспешил принять его в обход формальной процедуры согласования с правительством, которое было необходимо для придания данному решению правовой силы³³. В июле 1931 года Брюнинг предложил активизировать взаимодействие с теми зарубежными политиками, которые были готовы поддержать Германию в вопросах разоружения³⁴. Он передал отдельным ведомствам часть своих полномочий по определению основных направлений внешней политики, сосредоточившись на выполнении тактических задач. В январе 1932 года при обсуждении в кабинете репарационной проблемы он высказался за

²⁸ Генрих Брюнинг (1885–1970) — рейхсканцлер (с 30 марта 1930 по 1 июня 1932 года), рейхсминистр иностранных дел; член ПЦ.

²⁹ Герман Мюллер (1876–1931) — рейхсминистр иностранных дел, рейхсканцлер (с 27 марта 1920 по 21 июня 1920 года и с 29 июня 1928 по 30 марта 1930 года); член СДПГ.

³⁰ AdR (WR). Das Kabinett Müller II. 28 Juni 1928 bis 27 März 1930. 2 Bde. / Bearb. von M. Vogt. Boppard am Rhein, 1970. Dok. 1. S. 15, Dok. 167. S. 537, 539. Так, правительство Вильгельма Маркса приняло решение, одобренное рейхстагом, о строительстве четырех тяжелых крейсеров, разрешенных Версальским договором. Когда рейхсканцлером стал социал-демократ Герман Мюллер, его кабинет высказался за строительство первого крейсера, что противоречило официальному курсу СДПГ (которая выступила с лозунгом: «Никаких броненосцев — за хлеб для наших детей!»). Произошел конфликт между руководством фракции СДПГ в рейхстаге и рейхсминистрами, членами СДПГ в правительстве. Когда министром рейхсвера стал Вильгельм Грёнер, ему без особого труда удалось провести через рейхстаг решение о строительстве всех крейсеров. Подробнее см.: [Патрушев, 2007. С. 404 и далее].

³¹ Подробнее см.: [Glashagen, 1980; Heyde, 1998].

³² AdR (WR). Die Kabinette Brüning I und II (1930–1932): 30. März 1930 bis 10. Oktober 1931, 10. Oktober 1931 bis 1. Jun. 1932. 3 Bde. / Bearb. von Tilman Koops. Boppard am Rhein, 1982. Bd. 1. Dok. 153. S. 578.

³³ Ibid. 1982. Bd. 2. Dok. 341. S. 1233.

³⁴ Ibid. Dok. 371. S. 1311.

участие Германии в конференции по репарациям, намеченной на июль 1932 года, а также за продление моратория Гувера³⁵.

В период своего канцлерства Брюнинг был озабочен не только поиском путей скорейшего преодоления последствий кризиса, но и тем, как лучше использовать беспрецедентный кризис для решения текущих политических задач. С одной стороны, Германия должна была свидетельствовать о своем намерении неукоснительно следовать наложенным на нее репарационным обязательствам, тогда как с другой — постоянно подчеркивать невозможность в сложившихся условиях нести непосильное бремя репараций. Брюнинг рассчитывал на восстановление экономики не ранее 1935 года, а до тех пор, по его мнению, необходимо было приносить жертвы. Однако «ожидания такого рода противоречили всем законам психологии», и ситуация лишь усугублялась по мере катастрофического роста безработицы, повышения цен и ужесточения режима строгой экономии [Fiederlein, 1966. S. 212].

При следующем канцлере Франце фон Папене³⁶ Германия уже ничего не выплачивала по причине тяжести мирового экономического кризиса. В итоге вместо предусмотренных 132 млрд золотых марок она выплатила всего 21 млрд марок [Knortz, 2010. S. 114]³⁷.

3. Создание единой финансовой и налоговой системы государства

Ряд историков-экономистов связывают проблему инфляции не столько с бременем репарационных обязательств (ставя под сомнение экономическую неспособность Германии выплачивать репарации)³⁸, сколько с проводимым правительством курсом бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политики³⁹. Как известно, для финансирования своих расходов во время Первой мировой войны государство прибегало к прямой денежной эмиссии, к размещению так называемых патриотических военных займов и к выпуску краткосрочных казначейских облигаций (которые по истечении срока погашения могли переводиться в разряд долгосрочных обязательств)⁴⁰. Это средство продолжали использовать также и в кризисные 1919–1923 годы [Webb, 1984. P. 501]. Еще в самом начале войны в Германии

³⁵ Ibid. 1990. Bd. 3. Dok. 618. S. 2144, 2145.

³⁶ Франц фон Папен (1879–1969) — рейхсканцлер (с 1 июня 1932 по 3 декабря 1932 года); в период пребывания на данном посту беспартийный, до этого член ПЦ.

³⁷ Следует сказать, что в 1953 году Федеративная Республика Германия объявила себя преемницей Германской империи и к 1983 году погасила все долги за 1924 и 1930 годы.

³⁸ См., например: [Ritschl, 2002].

³⁹ О критике данной политики современниками см., например: [Bresciani-Turroni, 1937. P. 49f.].

⁴⁰ По подсчетам немецкого исследователя Карла Хардаха, примерно 70% всех военных расходов финансировалось посредством внутренних заимствований, в основном путем размещения среди населения девяти военных займов (с 5-процентной номинальной ставкой), а также краткосрочных казначейских облигаций; остальное покрывалось за счет налогов (менее 10%) и печатного станка [Hardach, 1993. S. 17]. В результате государственная задолженность Германии, которая в 1913 году составляла 5 млрд марок, к 1919 году превысила 153 млрд марок (из которых около 40% было краткосрочным и 60% — долгосрочным долгом). В номинальном выражении эта сумма почти в четыре раза превышала объем немецкого национального дохода по состоянию на 1913 год [Винклер, 2013. С. 129; Патрушев, 2004. С. 103; Burhop, 2011. S. 212f.; Knortz, 2010. S. 45; Walter, 2011. S. 163].

было произведено фундаментальное переустройство кредитно-денежной системы, когда в рамках военного законодательства от 4 августа 1914 года были отменены обязательства Рейхсбанка по выкупу банкнот на золото⁴¹ и упразднены ограничения по дисконтированию казначейских векселей. Одновременно учреждались специальные ссудные кассы (*Darlehenskassen*), уполномоченные предоставлять под залог товаров, а также государственных и квазигосударственных ценных бумаг ломбардные кредиты бизнесу, государственным службам, земельным и региональным органам власти. Билеты этих ссудных касс⁴², как и казначейские векселя (с трехмесячным сроком погашения) подлежали выкупу Рейхсбанком и таким образом служили в качестве средства обеспечения банкнот (наряду с золотом и торговыми векселями). Переучет билетов ссудных касс и краткосрочных казначейских векселей позволял Рейхсбанку выпускать в обращение практически неограниченное количество бумажных денег [Фергюсон, 2012. С. 24 и далее; Джеймс, 2003. С. 23 и далее]⁴³ (в результате объем наличной денежной массы за годы войны увеличился в пять раз — с 6,5 млрд марок в 1913 году до 33 млрд марок в конце 1918 года [Buchheim, 2001a. S. 143]).

Данный механизм эмиссионного покрытия расходов государства не только создавал потенциал инфляционного давления на экономику⁴⁴, но и способствовал образованию серьезных диспропорций в общественных финансах: в период между 1 апреля 1914 года и 31 марта 1918 года совокупные расходы рейха составляли около 111,7 млрд марок, тогда как поступления в казну империи давали только 10,4 млрд марок. Эти колоссальные расходы покрывались не за счет увеличения налоговой нагрузки⁴⁵, а путем

⁴¹ Банкноты марки стали законным средством платежа в Германии с 1910 года, и согласно Закону о Рейхсбанке (от 1873 года) они должны были обеспечиваться на одну треть золотом и на две трети — частными торговыми векселями [Henning, 1989. S. 258]. Подробнее см. также: [Borchardt, 1976. S. 20, 43ff.].

⁴² Билеты ссудных касс (*Darlehenskassenscheinen*), номиналом 1, 2, 20 и 50 марок, выпускались под залог промышленных и сельскохозяйственных товаров, однако, как и прочие средства платежа, не имели золотого обеспечения (при этом они принимались всеми государственными кассами). Во время войны (и до 1923 года) они имели хождение параллельно с четырьмя другими видами денежных знаков: банкнотами Рейхсбанка (*Reichsbanknoten*), имперскими кассовыми знаками (*Reichskassenscheinen*), банкнотами частных банков (*Privatbanknoten*) и прочими суррогатными денежными знаками (*Notgeld*), выпускаемыми землями, коммунами и крупными предприятиями. Подробнее см., например: [Rittmann, 1986. S. 15ff.].

⁴³ Следует сказать, что изменение предписаний по покрытию бумажных денег было нацелено также на сохранение золотого запаса Рейхсбанка, объем которого за годы войны действительно существенно возрос, увеличившись с 1,3 млрд марок в конце июля 1914 года до 2,6 млрд марок к началу ноября 1918 года (по состоянию на 23 ноября 1923 года золотой запас Рейхсбанка, впрочем, уже составлял 467 млн марок) [Pfleiderer, 1976. S. 163f.].

⁴⁴ Так, несмотря на принятые в самом начале войны меры по фиксированию максимальных цен и рационированию товаров, а также на санкции Рейхсбанка по поддержанию обменного курса национальной валюты, уже к концу марта 1916 года индекс оптовых цен в Германии на 50% превышал показатель 1913 года, а курсовая стоимость марки на внешнем рынке снизилась на 25% (к концу войны — на 56%) по сравнению с довоенным паритетом [Haller, 1976. 127f.].

⁴⁵ Специфика организации финансовой системы Германской империи, в которой отсутствовала субординация финансовых администраций земель и муниципалитетов по отношению к единому финансовому центру рейха, не позволяла покрывать растущие расходы государства за счет оперативного увеличения прямых и косвенных налогов. К тому же любое экстраординарное повышение налогов в ходе затяжной войны несло в себе значительные социальные и политические риски, ведь усиление налогообложения (например, введение высокого подоходного налога) подорвало бы мотивацию рабочих

новой задолженности рейха, размер которой за указанный период достиг 101,3 млрд марок⁴⁶. Таким образом, новый инструментарий предоставлял возможность финансировать текущие военные издержки с помощью печатного станка и неограниченных кредитов государства, бремя погашения которых предполагалось возложить на плечи побежденного врага [Hardach, 1993. S. 18].

Для того чтобы предотвратить дальнейшее обвальное падение стоимости немецкой денежной единицы, после окончания войны необходимо было кардинально реформировать фискальную систему. Но прежде следовало изменить определенный порядок вещей, сложившийся в германском государстве. Дело в том, что конституция 1871 года сохраняла финансовый суверенитет за отдельными землями, что явно противоречило принципу сильной централизованной власти, однако согласовывалось с давними традициями Германской империи⁴⁷, длительное время находившейся в состоянии политической раздробленности и допускавшей значительную самостоятельность земель.

Статья восьмая Веймарской конституции передавала финансовый суверенитет на уровень империи, а значит — и законодательное право фискальных сборов и регулирования налоговых поступлений. Статья 83 предусматривала создание общегерманского финансового управления, в ведение которого передавались вопросы налоговых изъятий. Имперское казначейство было преобразовано в рейхсминистерство финансов во главе с рейхсминистром, которое отныне стало исполнять функции высшего финансового управления на уровне империи [Leidel, 1964]. Конституционный статус и полнота власти рейхсминистра финансов были несопоставимы с положением статс-секретаря имперского казначейства в кайзеровской Германии. Так, министр финансов Веймарской республики управлял бюджетом, который в несколько раз превышал бюджет Германской империи, распоряжался более 80% всех налоговых поступлений. Ему подчинялись служащие ведомств всех трех уровней финансового управления (империи, земель и общин⁴⁸). Как рейхсминистр он занимал в кабинете особое по-

и предпринимателей к получению дохода, а вместе с тем и стимулы к труду — важнейшему ресурсу для мобилизации военной экономики [Ritschl, 2006. P. 59]. Первые военные налоги были введены только в 1916 году, однако эти меры не оказали какого-либо существенного воздействия на компенсацию растущих дефицитов [Haller, 1976. S. 131f.].

⁴⁶ Если в 1914/1915 бюджетном году текущие доходы всё еще покрывали около четверти расходов рейха, то в последующие 1915/1916–1918/1919 бюджетные годы эта доля никогда не превышала 10%. При этом динамика доходов и расходов земель за годы войны практически не изменилась по сравнению с довоенным уровнем, составив в 1914–1918 годы 16,9 млрд марок (расходы) и 14,6 млрд (поступления) [Burhop, 2011. S. 210f.].

⁴⁷ Здесь подразумевается также наследие Священной Римской империи германской нации (Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation), которая на протяжении девяти веков (с 962 по 1806 год) объединяла территории многочисленных немецких княжеств, а также соседних государств и регионов Европы.

⁴⁸ Напомним, что в плане административно-территориального устройства Веймарская республика согласно Конституции была федеративным государством, состоявшим из пятнадцати земель (Länder), трех вольных городов (Гамбург, Бремен и Любек), которые, в свою очередь, делились на районы (Kreise), окружные управления (Bezirksämter), общины (Gemeinde), округа (Bezirke), провинции (Provinzen) и т.д. Для удобства обозначения третьего уровня системы административного управления («на местах») нами будет использоваться название «общины».

ложение, обладая правом вето в отношении всех решений правительства, затрагивающих финансовую сферу. При повторном голосовании разногласия между главой финансового ведомства и членами кабинета могли быть устранены только путем вмешательства рейхсканцлера и при поддержке большинства членов правительства⁴⁹.

Опираясь на предоставленные полномочия, рейхсминистр финансов Матиас Эрцбергер⁵⁰ провел масштабные финансовую и налоговую реформы. Статс-секретарь Герман Пюндер назвал его «отцом» имперского финансового управления, созданного вопреки сопротивлению всех земель и в результате напряженной работы [Pünder, 1968. S. 50]. Эрцбергер исходил из того, что финансовая система должна быть всеохватывающей, для чего требовалось свести воедино всю систему налогообложения империи, земель и общин. Бавария, Вюртемберг, Саксония и Ольденбург выступили однозначно против создания единого имперского финансового управления; Пруссия и Гамбург соглашались с этим на определенных условиях; Баден, Бремен, Мекленбург выразили безоговорочную поддержку данному переустройству.

Эрцбергер представил окончательный проект реформы 19 июля 1919 года. Для преодоления сопротивления южногерманских земель, настроенных против единого налогового управления, глава имперского финансового ведомства предложил заключить «Веймарское соглашение». В нем определялись округа и места деятельности земельных финансовых учреждений. Руководство земельными финансовыми службами передавалось в руки министров финансов земель. Законом «Об имперском финансовом управлении» (*Gesetz über die Reichsfinanzverwaltung*) от 12 августа 1919 года устанавливался минимальный вклад земель в доходы от вводимого имперского подоходного налога. Без такой «цены» было бы невозможно получить согласие земель, прежде всего Пруссии. Закон вступил в силу 1 октября 1919 года. Современник Теодор Эшенбург отмечал, что «Эрцбергер едва ли читал Макиавелли, но сам являлся вульгарным макиавеллистом парламентаризма» [Eschenburg, 1973. S. 21]. Главной целью Эрцбергера было спасение империи от распада. Будучи убежденным сторонником унитарного государства, он полагал, что только обширная законодательная база позволит правительству проводить дееспособную финансовую, экономическую и социальную политику.

Чрезвычайно сложный и длительный процесс создания налогового законодательства в германских землях был завершён в марте 1920 года⁵¹. Уже с первых дней пребывания на посту рейхсминистра финансов Эрцбергер поставил задачу — параллельно с реформой финансового управления — повысить собираемость налогов государством [Мёллер, 2010. С. 120].

⁴⁹ Для принятия какого-либо решения рейхсминистру финансов было недостаточно собрать голоса большинства членов кабинета — необходимо было также получить одобрение рейхсканцлера.

⁵⁰ Матиас Эрцбергер (1875–1921) — статс-секретарь без портфеля в кайзеровском правительстве, рейхсминистр без портфеля, рейхсминистр финансов; член ПЦ.

⁵¹ Всего за время проведения налоговой реформы с 8 сентября 1919 по 30 марта 1920 года было принято 17 отдельных законодательных актов [Henning, 1997. S. 62].

Необходимо было учредить единый имперский подоходный налог вместо существовавших 26 различных законов о подоходном налогообложении в германских землях, а также дополнить законы «О налоге на доходы с капитала» и «О налоге на доходы корпораций». Когда же рейхсминистр предложил установить почти что конфискационные ставки налогов на высокие доходы, в том числе ввести налог на «чрезмерное потребление»⁵², то натолкнулся на сопротивление со стороны не только состоятельных кругов общества, но и членов правительственных партий и кабинетов (прежде всего правых).

В результате переустройства финансовой системы и порядка налогообложения на уровень империи полностью переходили поступления от подоходного налога (с прогрессивной ставкой от 10 до 60%⁵³), налога на доходы корпораций (ставка от 20 до 65%), налога на доходы с капитала (10%), а также все акцизы, транспортные (и другие косвенные) пошлины и таможенные сборы. Кроме того, казна империи отныне получала 85% поступлений от налога на добавленную стоимость (составлявшего первоначально 1,5%, а затем 2%, а на предметы роскоши — 15%), 80% — от налога на наследство, а также 50% от налога при приобретении земельного участка. В свою очередь, в кассы земель поступало только 20% от налога на наследство, 50% от налога при приобретении земельного участка и 10% НДС. Общинам оставалось 5% НДС при сохранении в полном объеме сборов от поземельного налога, промыслового налога, а также налога на доходы от деятельности увеселительных и развлекательных заведений [Walter, 2011. S. 157; Henning, 1997. S. 62].

В ходе реализации реформы были приняты законы, которые в значительной мере затрагивали интересы собственников и владельцев состояний. Так, законодательство о чрезвычайных военных отчислениях за отчетный 1919 год устанавливало крайне высокий уровень налогообложения дополнительных доходов и имущества, приобретенного в военный период — от 10 до 70% (а ведь 1919 год уже был мирным). Например, Закон о военных отчислениях (*Kriegsabgaben*), принятый 10 сентября 1919 года, облагал какой-либо прирост имущества, превышавший сумму в 5 тыс. марок (и до 1918 года не подлежавший налогообложению), единовременным дифференцированным сбором в размере от 10 до 100 п.п. Чрезвычайный сбор на экстренные нужды рейха (*Reichsnotopfer*), введенный соответствующим законом («Об имперской жертве») 31 декабря 1919 года, также первоначально был задуман как единовременный налог с имущества (с прогрессивной ставкой от 10 до 65%), который, впрочем, с апреля 1922 года стал взиматься на периодической основе. Особенно

⁵² AdR. (WR). Das Kabinett Bauer: 21 Juni 1919 bis 27 März 1920 / Bearb. von A. Golecki. Boppard am Rhein, 1980. Dok. 138. S. 500–503.

⁵³ Налог в 10% взимался с первых заработанных 24 тыс. марок, 20% — со следующих 60 тыс. марок и так далее вплоть до 60%, которые подлежали к уплате со всех доходов свыше 395 тыс. марок в год (что было эквивалентно 4200 долл. по состоянию на сентябрь 1921 года). Для сравнения — необходимый прожиточный минимум семьи из четырех человек осенью 1921 года не превышал 24 тыс. марок в год [Фергюсон, 2012. С. 68 и далее].

благоприятствовали централизации налогового суверенитета в пользу империи законы «О налоге при приобретении земельного участка», «О налоге на добавленную стоимость», а также «Порядок имперского налогообложения» (*Reichsabgabenordnung*) от 23 декабря 1919 года, ставший ключевым нормативно-правовым связующим звеном финансовой реформы Эрцбергера. Благодаря усилиям реформатора наряду с этим были приняты имперские законы «О налоге на доход с капитала» и «О подоходном налоге» от 29 марта 1920 года, а также «О налогах германских земель» от 30 марта 1920 года.

Как пишет белорусский исследователь Олег Субботин, учрежденная Эрцбергером единая финансовая система «не уничтожила государственности немецких земель, однако стала важным инструментом социально-экономического и политического влияния центра в стране, явилась серьезным ударом по самостоятельности немецких регионов, лишившихся важного рычага влияния на государственную политику и превратившихся фактически в пансионеров рейха» [Субботин, 2000. С. 24]. Историки-экономисты по-разному оценивают результаты фискальной реформы Эрцбергера. Так, британские ученые Бриджит Гранвиль и Ниал Фергюсон отмечают, что последовавшее за этим массовое уклонение от уплаты налогов зачастую трактовалось как «саботаж» реформ Эрцбергера, тогда как в действительности это было всего лишь реакцией на непомерно высокий уровень налогообложения [Гранвиль, Фергюсон, 1997. С. 63]. Немецкая исследовательница Хайке Кнортц подчеркивает, что отдельные налоги (в частности, чрезвычайный сбор на экстренные нужды рейха) оказались непомерно высоки, поэтому не дали ожидаемого эффекта⁵⁴. Российский же историк Павел Чинилин отмечает, что финансовая «реформа оказалась настолько удачной, что основные ее принципы пережили не только Веймарскую республику, но и Третий рейх и вошли в законодательство ФРГ», значительно опередив «возникновение экономической системы, способной выдержать дополнительное налогообложение» [Чинилин, 1995. С. 159]. Аналогичной точки зрения придерживается и профессор экономики МГУ имени М. В. Ломоносова Виктор Дроздов, который полагает, что «принципы реформы Эрцбергера были правильными и прогрессивными, и она способствовала формированию в Германии стройной финансовой системы» [Дроздов, 2009. С. 319]. Конечно, вследствие реформы удалось повысить коэффициент налогового бремени — долю государственных доходов от налогов в ВВП — до более 25%⁵⁵, что по сравнению с довоенным временем означало почти трехкрат-

⁵⁴ В результате началось бегство капитала за границу, что негативно сказалось на обменном курсе марки. Соответственно, эффекта быстрого и ошутимого изъятия чрезмерной денежной массы из обращения посредством данного особого вида налогообложения (*Reichsnotopfer*) достичь не удалось и налогоплательщики только со временем смогли погасить свою задолженность по этому налогу с помощью обесценившихся денег. За счет чрезвычайных сборов не удалось покрыть и растущие расходы государства. Так, поступления в казну от уплаты данного налога сократились с 818 млн марок золотом в 1920 году до 50 млн марок в 1922 году и 400 тыс. марок в 1923 году. Поскольку доходы от других видов налогов были невелики, то государство оказалось в крайне стесненных обстоятельствах [Knortz, 2010. S. 50].

⁵⁵ При этом доля рейха во всех налоговых поступлениях увеличилась с 30 до 39%, тогда как доля земель снизилась с 30 до 23%, а доля общин — с 40 до 38% [Henning, 1997. S. 62].

ное увеличение, но всё же было ниже квоты в 35%, которая, по подсчетам специалистов⁵⁶, требовалась для покрытия расходов государства без дополнительных заимствований⁵⁷. Так или иначе, путем смещения налогового бремени от косвенных к прямым налогам и резкого увеличения прогрессивных ставок подоходного налога, налога на имущество и налога на наследство была предпринята попытка более справедливого распределения налогового бремени⁵⁸.

Сам Эрцбергер никогда не скрывал социально-политического подтекста своей реформы, особенно той тяжести, которая ложилась на зажиточные слои населения. Полагая, что «собственность является естественным правом человека» и «без собственности невозможен прогресс человечества», он выступал против «чрезмерной концентрации» собственности, когда та «создает условия для возникновения всемогущей плутократии» (цит. по: [Pritzkoleit, 1959. S. 499]). Будучи выходцем из низших слоев общества, Матиас Эрцбергер действовал в соответствии с идеей, провозглашенной «веймарской коалицией», — быть «социальным государством», а потому смело придерживался убеждения, что именно те, кто извлек дивиденды в период войны, впоследствии должны принять на себя основное бремя компенсаций. Но он вовсе не желал переложить данное бремя на плечи всего германского народа. С учетом того факта, что именно Эрцбергер подписал в 1918 году Компьенское перемирие от имени Германии, поддерживал «политику выполнения» Версальского договора и реализовал столь радикальную финансово-налоговую реформу (которая по праву считается одной из наиболее масштабных реформ в истории системы административного управления Германии), не кажется удивительным, что он вошел в историю как «самый нелюбимый немец за последние сто лет» [Epstein, 1962. S. 10]. Политик был убит националистами в результате очередного покушения в августе 1921 года.

Налоговую политику Эрцбергера пытался продолжить его преемник Йозеф Вирт. Получив в марте 1920 года пост рейхсминистра финансов, он стремился добиться выполнения закона «О чрезвычайном сборе на экстренные нужды рейха» (*Reichsnotopfer*), который распространялся прежде всего на крупные состояния, но который, как уже отмечалось выше, фактически так и не был полностью реализован. Когда же Вирт занял пост рейхсканцлера, то для обеспечения «политики выполнения» был предложен так называемый план Шмидта, предполагавший вмешательство в имущественные отношения. Рейхсминистр экономики Роберт Шмидт⁵⁹,

⁵⁶ См., например: [Haller, 1976. S. 139].

⁵⁷ Так, по оценке самого Эрцбергера, для того чтобы Германии покрыть свои расходы, необходимо было в 10 раз увеличить доходы по сравнению с довоенным уровнем [Попов, 2013. С. 129].

⁵⁸ В этой связи предполагалось обеспечить две трети поступлений за счет налогообложения доходов и имущества и только одну треть — за счет взимания налогов с потребления [Knortz, 2010. S. 158]. Действительно, в результате реформы доля поступлений рейха от прямых налогов возросла до 60% в 1920/1921 финансовом году и до 75% в 1921/1922 году, тогда как до войны она составляла всего 14,5% (с учетом гербовых сборов) [Ferguson, 1996. P. 646].

⁵⁹ Роберт Шмидт (1864–1943) — рейхсминистр продовольствия, экономики, вице-канцлер, рейхсминистр восстановления народного хозяйства; член СДПГ.

«сторонник традиционных представлений о социализме» [Винклер, 2013. С. 128], и его статс-секретарь Юлиус Хирш, профессиональный экономист, разделявший взгляды своего британского коллеги Джона Мейнарда Кейнса [Müller, 2014. S. 581], по сути, выступили за пересмотр конституционных основ германской экономики. Так, в представленном 19 мая 1921 года меморандуме предусматривалось «вторжение в основные ценности немецкого хозяйства»: речь шла о возможности частичной экспроприации капитала крупной земельной собственности, домовладений, промышленных объектов и торговых заведений, включая банки, за счет чего предполагалось мобилизовать до 20% средств (около 20–22 млрд марок) в пользу репарационного фонда [Винклер, 2013. С. 190], что, в свою очередь, позволило бы избежать угрозы новых санкций (в частности, французской оккупации Рурской области), а также приостановить инфляцию.

Сам Вирт не раз открыто заявлял о том, что «без жертв дело не пойдет, и для всех слоев населения нашего народа это должно быть ясно» (цит. по: [Гинцберг, 1981. С. 109]). На заседании кабинета 24 июня 1921 года рейхсканцлер высказался против мер конфискации, предложенных министром экономики, однако поддержал стратегию финансового министерства по дальнейшему увеличению налогового бремени, предложив ввести новый налог на имущественные ценности, который с учетом сложного экономического положения ограничивал срок принесения «имперской жертвы» десятью годами, а также устанавливал процентную надбавку к ценам на золото различной пробы⁶⁰. Эти решения свидетельствовали об отсутствии у Вирта каких-либо иных возможностей для получения поддержки большинства членов правительства по вопросу проведения финансовой экспроприации. На заседании 29 июня 1921 года рейхсканцлер указал на внутривнутриполитические трудности, с которыми могла столкнуться конфискация имущества отдельных крупных собственников. В частности, политик опасался возможных нападков на тех, кто был исключен из списка лиц на конфискацию⁶¹, а также протеста со стороны представителей ПЦ, НДП, ННП, НННП, настаивавших на увеличении налогов на потребление. В конце концов рейхсканцлер отложил проект министра экономики [Laubach, 1968. S. 65], который предусматривал оздоровление бюджета за счет вмешательства в субстанцию немецкой экономики, и больше этот план в кабинете Вирта не рассматривался.

4. Кризис и стабилизация германской валюты

На фоне спада мировой экономической конъюнктуры, необходимости аккумуляции значительных финансовых ресурсов для выплаты репараций и исполнения социальных обязательств, а также колоссального бюджетного

⁶⁰ AdR (WR). Die Kabinette Wirth I und II: 10 Mai 1921 bis 26 Okt. 1921. 26 Okt. 1921 bis 22 Nov. 1922. 2 Bde. / Bearb. von I. Schulze-Bidlingmaier. Boppard am Rhein, 1973. Dok. 36 b. S. 88.

⁶¹ Ibid. Dok. 40 b. S. 118.

дефицита⁶² и дальнейшего падения курса марки по отношению к доллару США⁶³ со второй половины 1921 года в Германии происходит качественный перелом макроэкономической ситуации [Травин, 2004. С. 473]. Для обслуживания внутреннего долга правительство снова и снова прибегало к расширению объемов денежной эмиссии, что окончательно подорвало доверие к национальной денежной единице. Германская валюта остро реагировала и на политические кризисы, например на убийство рейхсминистра иностранных дел Вальтера Ратенау в июне 1922 года, спровоцировавшее осязаемое падение курса марки по отношению к доллару США — до 420 марок за один американский доллар (к ноябрю того же года доллар стоил уже 7 тыс. марок)⁶⁴. Но окончательный сокрушительный удар по денежной системе Веймарской республики был нанесен событиями 1923 года, связанными со вторым Рурским кризисом и с объявленной правительством Вильгельма Куно⁶⁵ политикой «пассивного сопротивления», оказавшейся крайне затратной для государственного бюджета⁶⁶. Через двадцать дней после вступления франко-бельгийских войск на территорию Рурской области курс доллара по отношению к марке взлетел почти в пять раз. В конце июля один доллар стоил уже 1 млн марок, в середине октября — 1 млрд а в середине ноября — 1 трлн марок (26 ноября 1923 года официальный курс был зафиксирован на уровне 4,2 трлн марок за 1 долл. США)⁶⁷. Скорость денежного обращения росла невиданными темпами: за время гиперинфляции Рейхсбанком было выпущено около 10 млрд купюр, общая сумма которых в середине ноября 1923 года приблизилась к 100 квинтиллионам,

⁶² В октябре 1921 года объем правительственных расходов, включая предстоявшие выплаты по репарациям, а также компенсацию расходов по содержанию оккупационных войск, составлял 113 млрд марок, в то время как сумма всех поступлений в бюджет едва ли достигала 90 млрд марок. Это с учетом того, что данные расчеты основывались на официальном курсе — одна золотая марка за 13 бумажных, тогда как в реальности это соотношение составляло 1:22 [Фергюсон, 2012. С. 71]. Напомним, что еще в середине 1914 года одна бумажная банкнота марки обменивалась на одну марку золотом по курсу 1:1, тогда как в середине ноября 1923 года — на пике гиперинфляции — за одну марку золотом давали 1 трлн марок в бумажном эквиваленте.

⁶³ Так, если в июне 1921 года за один американский доллар можно было купить 65 марок, то к ноябрю соотношение обменного курса доллара и марки уже составляло 1:270 [Henning, 1997. S. 65].

⁶⁴ Подробнее см.: [Henning, 1997. S. 64f.].

⁶⁵ Вильгельм Куно (1876—1933) с 1918 по 1922 год занимал пост генерального директора акционерного общества океанского судоходства «Гамбург — Америка» (HAPAG), с 22 ноября 1922 по 12 августа 1923 года был рейхсканцлером Германии; беспартийный (до 1920 года временно состоял в ННП).

⁶⁶ После провала Парижской конференции по репарациям в январе 1923 года французские и бельгийские войска вошли в Рурскую область с целью установления контроля над производственными мощностями региона (на оккупированные территории приходилось 88% добычи каменного угля, 70% производства чугуна и 40% стали). В ответ на это правительство Германии инициировало «пассивное сопротивление» жителей Рура в форме бойкота всех распоряжений оккупационных властей, отказа от уплаты налогов, проведения массовых забастовок, саботажа на железнодорожном транспорте и прекращения какого-либо производства (при этом рабочие и предприятия продолжали получать финансовые средства от государства). Материальные потери в результате рурского конфликта оценивались в 3,5–4 млрд марок золотом, а поддержка трехмиллионного населения Рурской области обошлась правительству в 3500 трлн марок (по состоянию на середину сентября 1923 года), или около трети федерального бюджета [Мёллер, 2010. С. 133; Дроздов, 2009. С. 318]. «Пассивное сопротивление» было прекращено (по решению нового правительства Г. Штреземана) 26 сентября 1923 года; последние оккупационные войска покинули территорию Рура летом 1925 года.

⁶⁷ В конце ноября доллар стоил уже около 5 трлн марок, при том что некоторые рыночные котировки даже фиксировали цифры в 10–11 трлн марок [Аникин, 2009. С. 127].

достигнув к концу года 500 квинтиллионов марок (самой крупной была банкнота номиналом в 100 трлн марок) [Аникин, 2009. С. 127; Rittmann, 1986. S. 72]⁶⁸. По некоторым подсчетам во второй половине 1923 года инфляция в ежемесячном исчислении составляла почти 35 тыс. п.п. (что означало в среднем удвоение цен каждые три дня на протяжении почти полугода) [Кизилов, Сапов, 2006. С. 12]. Гигантский плавающий долг правительства, созданный непрерывающимся выпуском облигаций государственного займа и краткосрочных казначейских обязательств, к середине ноября также достиг астрономической суммы в 192 квинтиллиона марок [Джеймс, 2003. С. 31]⁶⁹. Галопирующая инфляция резко дестабилизировала ситуацию⁷⁰, создав благоприятную среду для деятельности радикальных группировок, пытавшихся в октябре–ноябре 1923 года свергнуть демократическое правительство Густава Штреземана⁷¹.

Рейхсбанк, который по настоянию союзников только с 26 мая 1922 года получил частичную независимость от государственного аппарата (в обмен на временную отсрочку репарационных выплат)⁷², придерживался «стимулирующего» курса денежно-кредитной политики (обосновывая это целесообразностью «налаживания производства и создания рабочих мест» [Джеймс, 2003. С. 28]) и не предпринимал каких-либо активных действий, нацеленных на обуздание инфляционного процесса. Более того, как полагал глава Рейхсбанка Рудольф Хавенштайн⁷³, «контролируемое обесценивание денег несет больше выгод, чем опасностей», поскольку, с одной стороны, ведет к снижению затрат на финансирование задолженности рейха, а с другой — способствует удешевлению немецких товаров на мировом рынке, тем самым повышая их конкурентоспособность [Сумленный, 2009. С. 45]. Главную причину роста цен эмиссионный банк усматривал скорее в слабости платежного баланса и, соответственно, в падении стоимости марки на международном рынке, а не в увеличении денежной массы в обращении («теория платежного баланса») [Hardach, 1993. 31]⁷⁴. Свою дисконтную политику Рейхсбанк

⁶⁸ Несмотря на колоссальные объемы денег в обращении, реальная ценность всей этой денежной массы подверглась существенному сжатию. Так, в золотом эквиваленте стоимость наличных денег в обращении сократилась с примерно 6,5 млрд марок в 1913 году до менее 500 млн марок в октябре 1923 года [Buchheim, 2001b. S. 148]. В пересчете на доллары США стоимость всей массы денег в обращении в Германии в октябре 1923 года составляла лишь 5% от уровня 1913 года (и приблизительно 10% от уровня начала 1920 года) [Hardach, 1993. S. 30].

⁶⁹ При этом произошло полное обесценивание общей военной задолженности рейха, стоимость которой 15 ноября 1923 года составляла всего лишь 15,4 пфеннигов образца 1914 года! [Henning, 1997. S. 70].

⁷⁰ О социально-психологических последствиях инфляции см., например: [Knortz, 2010. S. 68, 71f.].

⁷¹ Густав Штреземан (1878–1929) — рейхсканцлер (с 13 августа 1923 по 30 ноября 1923 года), рейхсминистр иностранных дел; член ННП. Напомним, что 23–25 октября 1923 года произошло вооруженное коммунистическое восстание в Гамбурге, а 8–9 ноября национал-социалисты предприняли попытку государственного переворота («пивной путч») в Мюнхене. Оба мятежа были подавлены правительством.

⁷² Полную автономию от правительства Рейхсбанк получил на основании Закона о Рейхсбанке от 30 августа 1924 года (что являлось частью международного соглашения в рамках плана Дауэса).

⁷³ Рудольф Хавенштайн (1857–1923) — юрист, президент Прусского государственного банка (с 1900 по 1908 год), занимал пост президента Рейхсбанка с 1908 вплоть до своей кончины 20 ноября 1923 года (по иронии судьбы — как раз в день стабилизации валюты).

⁷⁴ Видным представителем «теории платежного баланса», которую в те времена разделяли многие немецкие экономисты и политики, был Карл Хельфферих (НННП), с февраля 1915 по май 1916 года

осуществлял по номинально отрицательным процентным ставкам⁷⁵. Лишь с середины 1922 года, после того как за предшествовавшие шесть месяцев — с декабря 1921 по июнь 1922 года — индексы стоимости жизни и оптовых цен увеличились более чем вдвое [Pfleiderer, 1976. S. 166], началось поэтапное повышение официальной учетной ставки, которую Центральный банк удерживал на неизменно низком уровне (5%) с конца 1914 года⁷⁶. Кроме того, можно назвать два наиболее заметных эпизода интервенций, имевших краткосрочное стабилизационное воздействие: весной 1920 года, когда на фоне развернувшегося международного дефляционного процесса⁷⁷ министерство экономики скупало значительные объемы иностранной валюты, чтобы не допустить чрезмерного удорожания марки (опасаясь ухудшения торгового баланса), а также в феврале — апреле 1923 года, когда в течение почти трех месяцев Рейхсбанк удерживал национальную валюту от резкого падения (после начала Рурского конфликта), распродавая свои золотовалютные резервы по официальному фиксированному курсу [Webb, 1984. P. 503; Ferguson, 1996. P. 656f.]. И всё же большинство оценок действий монетарных властей Веймарской республики в условиях стремительного обесценивания денег указывает на пассивность и нерешительность

возглавлявший имперское казначейство и являвшийся одним из главных архитекторов политики дефицитного финансирования и регулирования цен в годы войны. По мнению сторонников этой теории, главными причинами инфляции были: «негибкость заработных плат, неэластичность предложения германской экспортной продукции и неустойчивый спрос на нее за рубежом, а также прежде всего негативное воздействие на марку репарационных выплат и неопределенности в урегулировании этого вопроса между союзниками и Германией» [Tullio, 1995. P. 353]. Следует также добавить, что данный подход опирался на так называемую доктрину реальных векселей (*real bills doctrine*), согласно которой инфляционная эмиссия банкнот представлялась невозможной ввиду того, что выпуск денег в обращение эмиссионным банком является предоставлением кредита под передачу торговых векселей (*bills*), выступая таким образом реальной экономической операцией, по окончании которой эти векселя выкупаются. В результате денежное обращение постоянно гибко адаптируется, не оказывая ни инфляционного, ни дефляционного воздействия на экономику [Джеймс, 2003. С. 21]. Иной подход к определению причин инфляции сформировался под влиянием «количественной теории денег» — его сторонники считали, что источником обесценивания валюты и инфляции в Германии было эмиссионное финансирование государственного долга, то есть увеличение денежной массы в обращении. Подробнее см., например: [Bresciani-Turroni, 1937. P. 42ff.; Holtfrerich, 1986. P. 155ff.]. Об интерпретациях данных теорий в немецкоязычной литературе см. также: [Laidler, Stadler, 1998. P. 816–831].

⁷⁵ Заниженные ставки рефинансирования позволяли банкам получать дешевые кредитные ресурсы и затем выдавать льготные кредиты избранным клиентам. Это вызывало критику со стороны ряда экспертов (например, Вальтера Ойкена, Альберта Хана, Константино Бресциани-Туррони и др.), считавших «дисконтную политику Рейхсбанка инструментом недопустимых субсидирований той части экономики, которая имела прямой доступ к Рейхсбанку» [Джеймс, 2003. С. 26].

⁷⁶ Увеличение учетной ставки до 6% произошло 28 июля 1922 года. В дальнейшем ключевая ставка повышалась: 15 августа (7%), 21 сентября (8%) и 13 ноября (10%), затем — в 1923 году — 18 января (12%), 23 апреля (18%), 2 августа (30%) и 15 сентября (90%). Ставка в 90% продолжала действовать до 29 января 1924 года. Процентная ставка по ломбардным кредитам составляла с 15 сентября по 1 октября 1923 года 31%, а с 8 октября 1923 по 29 января 1924 года — 108%. При этом только за октябрь 1923 года цены в Германии продемонстрировали 221-кратный рост! [Bresciani-Turroni, 1937. P. 76f.; Laidler, Stadler, 1998. P. 818; Pfeleiderer, 1976. S. 167f.; Webb, 1984. P. 502].

⁷⁷ С начала 1920 года американские и британские монетарные и финансовые власти начали предпринимать шаги по погашению задолженности, образовавшейся за время войны, а также меры по снижению инфляции посредством повышения налогов и ограничения кредитования, вследствие чего в обеих странах обозначилась серьезная дефляционная динамика (это была первая глубокая послевоенная депрессия, продолжавшаяся с января 1920 по сентябрь 1921 года), которая распространилась также на другие страны, в том числе на Германию (с марта по июнь 1920 года уровень внутренних цен здесь снизился почти на 20%) [Ferguson, 1996. P. 643].

Рейхсбанка и правительства в преодолении гиперинфляции и всех сопутствовавших ей негативных проявлений: спекуляций с валютой, скупки недвижимости, предприятий и других реальных и материальных ценностей (как состоятельными немцами, так и иностранцами — «*Ausverkauf Deutschlands*»), бегства капитала за границу, распространения суррогатных денег⁷⁸, возникновения черного рынка, долларизации и натурализации хозяйственных отношений, а также беспрецедентной экспроприации денежных накоплений различных слоев населения [Bresciani-Turgoni, 1937. P. 318]. В этих обстоятельствах Рейхсбанк, как иронично замечает Хайке Кнортц, «исполнял функции цеха по производству денежных купюр, который, даже несмотря на полную загрузку 132 частных типографий, 1723 печатных станков и 30 бумажных фабрик, в итоге был не в состоянии обеспечить экономику достаточным количеством бумажных денег» [Knortz, 2010. S. 51].

Экономические, финансовые, политические и психологические последствия второго Рурского кризиса заставили правительство ввести чрезвычайное положение и приступить к оздоровлению кредитно-денежной системы. В научных исследованиях главную заслугу в реформировании немецкой монетарной сферы приписывают разным личностям. Историки-экономисты считают автором денежной реформы прежде всего немецкого банкира и политика Ялмара Шахта⁷⁹, который возглавил учрежденный 17 октября 1923 года новый государственный, но политически независимый монетарный орган — Германский рентный банк (*Deutsche Rentenbank*), выпустивший в обращение кредитные билеты «рентной марки» в качестве «официально разрешенного платежного средства» [Фергюсон, 2012. С. 258]. Историки предпочитают относить к реформаторам немецкой денежной системы (еще на подготовительной стадии решения данного вопроса) разработчиков программы по стабилизации в политической и валютной областях, и прежде всего «отраслевого министра» Ганса Лютера⁸⁰. Так, по мнению немецкого исследователя Карла Георга Цинна, «в 1923 году главная тяжесть по проведению стабилизационной политики лежала не на Рейхсбанке, а на имперском министерстве финансов, которое возглавлял Лютер с октября 1923 года... Непопулярные работы по расчистке мусора

⁷⁸ К осени 1923 года в Германии обращалось около 6 тыс. разновидностей выпущенных городами, муниципальными образованиями и частными компаниями денежных знаков (*Notgeld*), общая номинальная стоимость которых достигала 75% стоимости находившихся в обороте официальных марок [Сумленный, 2009. С. 50]. Подробнее см. также: [Rittmann, 1986. S. 76f.].

⁷⁹ Ялмар Шахт (1877–1970) с 12 ноября 1923 года исполнял функции специального уполномоченного по валютным делам, после чего с 22 декабря 1923 по 7 марта 1930 года и затем с 17 марта 1933 по 20 января 1939 года занимал пост президента Рейхсбанка; с 3 августа 1936 по 26 ноября 1937 года был рейхсминистром экономики, а с 1937 по 1942 год — рейхсминистром без портфеля. Почетный член НСДАП и соучредитель НДП (был членом этой партии с 1918 по 1926 год).

⁸⁰ Ганс Лютер (1879–1962) — рейхсминистр продовольствия (с 1 декабря 1922 года), рейхсминистр финансов (с 6 октября 1923 года), рейхсканцлер (с 15 января 1925 по 17 мая 1926 года), председатель Рейхсбанка (в 1930–1933 годах). Беспартийный (с 1927 по 1933 год являлся членом ННП). Следует отметить, что в Веймарской республике была распространена практика приглашения в кабинет профессиональных «отраслевых министров» (*Fachminister*), «которые не имели мандата рейхстага и не считались партийными политиками», но отличались высокой квалификацией и административными способностями [Патрушев, 2009. С. 229].

были переданы „нейтральному“ рейхсминистру Лютеру, что было фактом политической режиссуры» [Zinn, 1985. S. 302]. Во время оккупации Рура Лютер занимал пост рейхсминистра продовольствия и формально — обер-бургомистра Эссена, так что он знал ситуацию изнутри и ясно понимал, что «вопрос продовольственного снабжения» был напрямую связан с «вопросом валюты». Инфляционный хаос делал невозможным нормальное обеспечение населения продуктами питания в условиях отсутствия стабильных денег.

Провозглашенные Лютером требования бережливости, готовности приносить жертвы и лозунг «Работа, работа и еще раз работа» были востребованы обществом во имя «спасения экономики». Однако рурские промышленники, как это следует из историографии, и в том числе из воспоминаний самого Лютера [Luther, 1958], фактически не присоединились к политике «пассивного сопротивления». Не только цехи не прекратили свою работу, но и владельцы угольных шахт проводили коллаборационистскую политику в пользу оккупационных властей и сотрудничали с ними.

В первом кабинете Штреземана в качестве одного из вариантов денежной реформы обсуждался план Карла Хельффериха⁸¹. Суть этого проекта заключалась в том, чтобы соотнести новую валюту с какой-либо реальной ценностью, например с ценой на рожь. Так, еще в июле 1923 года он выдвинул идею создания нового валютного банка с уставным капиталом в 1 млрд «ржанных марок» (*Roggenmark*)⁸², который эмитировал бы денежные единицы (эквивалентные стоимости 1 т ржи, равной 200 «ржанным маркам») под залог ипотечных облигаций на землю и недвижимое имущество предприятий сельского и лесного хозяйства, промышленности и торговли (в размере 4 млрд «ржанных марок»). Однако цены на рожь демонстрировали существенные колебания⁸³, так что привязка к ним не могла выступать в качестве надежного гаранта. В дальнейшем возвратились к вопросу о золотом покрытии, у которого было много сторонников (например, Рудольф Гильфердинг⁸⁴, Ялмар Шахт, Юлиус Хирш и др. [Franco, 1987. P. 14])⁸⁵, но из-за нехватки золотых резервов, необходимых

⁸¹ Карл Хельфферих (1872–1924) — профессор экономики, директор Багдадской железной дороги (с 1906 года), член Совета директоров Дойче Банка (с 1908 года), глава имперского казначейства (с февраля 1915 по май 1916 года), статс-секретарь внутренних дел (с 22 мая 1916 по 23 октября 1917 года) и вице-канцлер (до 9 ноября 1917 года); был главным экономическим советником предшествующего правительства В. Куно. Подробнее см., например: [Benz, Graml, 1988. S. 134f.].

⁸² В ходе обсуждения проектов денежной реформы выдвигались и другие варианты наименования новой валюты, например «новая марка» (Neumark), или «земельная марка» (Bodenmark). Лишь в самый последний момент (13 октября) решили утвердить предложенные Лютером названия «рентная марка» и «Рентный банк» (как производные от термина Rentenbrief — «облигация ипотечного банка») [Pfleiderer, 1976. S. 186].

⁸³ Например, если в августе 1923 года цена на рожь в золотых марках составляла 100, то в ноябре — уже 184 [Henning, 1997. S. 77].

⁸⁴ Рудольф Гильфердинг (1877–1941) — австро-германский ученый-экономист и политический деятель, один из теоретиков марксизма и лидеров немецкой социал-демократии; рейхсминистр финансов (с 13 августа по 6 октября 1923 года и с 29 июня 1928 по 21 декабря 1929 года); член СДПГ.

⁸⁵ Так, промышленник Фридрих Мину, который до октября 1923 года занимал пост директора концерна Стиннеса, а затем возглавил собственный концерн, вместе с Имперским объединением германской промышленности настаивали на золотом обеспечении будущей валюты, эквивалентном золотому

для обеспечения новой валюты, от этой идеи решили отказаться. После ряда промежуточных предложений, а также многочисленных заседаний и обсуждений с участием экспертов и крупных банкиров (в сентябре и октябре 1923 года) возоблала компромиссная концепция «рентной марки», сформулированная Лютером.

Уже 13 октября 1923 года рейхстаг принял Закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий для «реализации необходимых и оперативных мер по упорядочиванию ситуации в финансовой, экономической и социальной сферах» (цит. по: [Rittmann, 1986. S. 98]), на основании которого 15 октября было издано распоряжение «Об учреждении Германского рентного банка» [Verordnung über die Errichtung der Deutschen Rentenbank, 1923. S. 963f.], вступившее в силу через два дня. Спустя месяц — 15 ноября — Рентный банк приступил к исполнению своих функций, выпустив в обращение рентные марки в качестве «вспомогательного средства платежа». Несмотря на то что единственно законным средством платежа продолжала оставаться марка Рейхсбанка, новые кредитные билеты Рентного банка принимались к оплате всеми государственными кассами (это обязательство не распространялось на частных лиц) и выполняли функцию банкнот. Первоначально размен рентной марки на золото не был предусмотрен, однако для нее был зафиксирован твердый обменный курс: к старой бумажной марке — 1 трлн марок за одну рентную марку (с 28 ноября), а к доллару США — 4,2 рентной марки за единицу американской валюты (с 20 ноября). Это означало возвращение к довоенному паритету золотой марки. Новая валюта получала гарантии в форме ипотечных облигаций Рентного банка, выраженных в золотых марках (= 0,35842 г чистого золота)⁸⁶ и обеспеченных наполовину закладными обязательствами на сельскохозяйственную землю и недвижимость, а на другую половину — облигациями предприятий промышленности, торговли, промыслового хозяйства, транспорта и банков (по этим долговым обязательствам устанавливалась ставка в 6% годовых) — всего в размере 3,2 млрд рентных марок⁸⁷. Объем эмиссии не мог превышать сумму уставного капитала банка и изначально был строго ограничен лимитом в 2,4 млрд рентных марок⁸⁸.

паритету марки до 1914 года (0,35842 г чистого золота). Основным преимуществом золотой валюты были более устойчивые котировки золота на международном рынке — в отличие от волатильных цен на рожь. Однако минусом являлось то, что значительные требования по репарациям неизбежно привели бы к переизбытку новых германских денег на международном рынке, что увеличило бы амплитуду колебаний цен на золото [Henning, 1997. S. 77f.].

⁸⁶ Одна облигация имела номинальную стоимость в 500 золотых марок, по ней устанавливались 5-процентный годовой доход и пятилетний срок погашения [Verordnung über die Errichtung der Deutschen Rentenbank, 1923. S. 965]. Одну облигацию можно было обменять на 500 рентных марок (то есть по текущему обменному курсу к золотой марке), что косвенно приравнивало новую валюту к золотому паритету.

⁸⁷ Объем этих ипотечных обязательств составлял 4% от величины единовременного имперского военного сбора (Wehrbeitrag), введенного в 1913 году на высокие доходы и имущество (от 10 тыс. марок) в качестве особого налога для покрытия расходов на вооружения [Verordnung über die Errichtung der Deutschen Rentenbank, 1923. S. 963f.].

⁸⁸ Из этой суммы Германский рентный банк выделял кредит правительству в объеме 1,2 млрд рентных марок (сроком на 2 года с фиксированной ставкой в 6% годовых) и еще 300 млн рентных марок в качестве беспроцентного займа для погашения старой задолженности рейха. Оставшиеся 1,2 млрд рентных марок могли быть предоставлены Рейхсбанку и частным эмиссионным банкам для кредитования реальной экономики [Verordnung über die Errichtung der Deutschen Rentenbank, 1923. S. 963f.].

Одновременно с вводом в обращение рентной марки Рейхсбанк прекращал дисконтирование казначейских векселей, в результате чего правительство лишалось доступа к печатному станку. Тем самым был блокирован односторонний поток денежной наличности Рейхсбанка через государственные кассы в экономику. Именно «жесткая эмиссионная политика, которой твердо придерживался Я. Шахт, несмотря на давление со стороны правительства, нуждавшегося в деньгах, и торгово-промышленных кругов, требовавших кредитов» [Дроздов, 2009. С. 322 и далее], являлась одним из важнейших факторов обеспечения устойчивости новых денег. Не менее существенным критерием стабилизации курса национальной валюты также выступали «строгая дисциплина в расходовании государственных средств, отказ правительства от дальнейших внутренних кредитов и установление паритета новых платежных средств по отношению к золоту и доллару» [Фергюсон, 2012. С. 258]. Несмотря на увеличение (реальной стоимости) наличной денежной массы в обращении (с 460 млн золотых марок в середине ноября до 2,3 млрд золотых марок к концу 1923 года [Henning, 1997. S. 79])⁸⁹, новая валюта оставалась стабильной. Во многом «чудо рентной марки» заключалось в положительном психологическом эффекте от введения новых бумажных денег, ведь на деле они не имели какого-либо материального обеспечения, поскольку их невозможно было конвертировать ни в золото, ни в ипотечные активы предприятий соответствующих отраслей. Но общественность поверила в устойчивость новой валюты, восприняв рентную марку как осязаемую реальную ценность, основу которой, пусть и фиктивно, составляли средства производства и земля.

Находясь на посту рейхсминистра финансов, Ганс Лютер проводил крайне жесткую политику, нацеленную на консолидацию государственных финансов. Так, на основании специального распоряжения, принятого в конце октября 1923 года, санкционировалось сокращение штата госслужащих на 25% (около 397 тыс. человек) к середине 1924 года с одновременным урезанием материального довольствия оставшихся работников общественного сектора до 41% от довоенного уровня (до этого зарплата чиновников составляла 57% от уровня 1913 года). В декабре 1923 года последовало всеобщее постановление о продолжительности рабочего времени, согласно которому в ведущих отраслях хозяйства официально разрешался 10-часовой рабочий день (что увеличивало рабочую неделю до 59 часов) [Винклер, 2013. С. 300]. Социальные пособия были существенно сокращены (как и ужесточены критерии обращения за социальной помощью), а строительные и инфраструктурные работы и вовсе остановлены. Более или менее основательное пополнение статей доходов государственной казны стало возможным только с реализацией чрезвычайного фискального законодательства. Принятые 7, 19 декабря 1923 и 14 февраля 1924 года три постановления о чрезвычайном налогообложении регламентировали

⁸⁹ В 1924 году стоимость всей денежной массы в обращении составляла в среднем 3,08 млрд золотых марок [Buchheim, 2001b. S. 156]. Напомним, что в 1913 году объем наличных денег в обращении в Германской империи оценивался в 6,5 млрд марок.

порядок ускоренной выплаты налоговых долгов (с учетом инфляционной прибыли), повышали налог с оборота (с 0,5 до 2,5%), устанавливали новые ставки подоходного, корпоративного и имущественного налогов и заново определяли распределение доходов между землями и рейхом [Винклер, 2013. С. 302; Knortz, 2010. S. 159]. Данные фискально-политические меры носили временный характер и не исключали дальнейшего решительного реформирования налоговой системы. Тем не менее уже в марте 1924 года бюджет был сбалансирован, что стало важной предпосылкой для стабилизации валюты.

Свой бескомпромиссный стиль управления в области экономической политики Лютер подтвердил уже будучи на посту главы правительства. Так, при пересмотре имперского финансового законодательства в мае 1925 года он подверг резкой критике доклад об изменениях Закона о ревальвации⁹⁰, с которым выступил один из представителей НННП, из-за того что данный вопрос не был согласован с другими коалиционными партиями и кабинетом. Лютер использовал свой авторитет как средство дисциплинирования фракции НННП в рейхстаге и даже пригрозил своей отставкой⁹¹, но всё же добился желаемой поддержки со стороны рейхсминистров от НННП Мартина Шиле, Альберта Нойхауса и Отто фон Шлибена⁹². В ходе обсуждения вопроса ревальвации Лютер сумел убедить участников дискуссии в том, что «ни одна партия не сможет продвинуться вперед без взаимодействия с другими партиями и правительством»⁹³.

Денежная реформа завершилась 30 августа 1924 года с принятием четырех законов о преобразовании немецкой денежной системы: «О банках», «О частных эмиссионных банках», «О ликвидации обращения банкнот рентной марки» и «О золотых монетах» [Stucken, 1976. S. 251]. 11 октября 1924 года в обращении появилась новая официальная германская валюта — рейхсмарка [Bresciani-Turroni, 1937. P. 353], которая обменивалась на рентную марку по курсу 1 : 1 (на старую марку — в соотношении 1 : 1 трлн соответственно) и на 40% обеспечивалась золотом (30%) и конвертируемой иностранной валютой (10%)⁹⁴, а на оставшиеся 60% — «хорошими»

⁹⁰ Закон «О ревальвации» (или «О переоценке» / *Aufwertungsgesetz*) от 16 июля 1925 года регулировал порядок компенсации инфляционных потерь, понесенных кредиторами, вкладчиками и инвесторами. Так, например, по вкладам в негосударственных сберегательных кассах и долгам страховых компаний норма возмещения была установлена на уровне 12,5% (минимальная ставка), по ипотечным долгам в частном секторе — 25% (плюс выплата процентов), по долговым обязательствам компаний — 15% (с отсрочкой погашения до 1932 года) и т.д. Подробнее см., например: [Rittmann, 1986. S. 113f.].

⁹¹ AdR (WR). Die Kabinette Luther I und II: 15 Jan. 1925 bis 20 Jan. 1926. 20 Jan. 1926 bis 17 Mai 1926. 2 Bde. / Bearb. von K. — H. Minuth. Vopparad am Rhein, 1977. Dok. 53. S. 201.

⁹² Мартин Шиле (1870–1939) — рейхсминистр внутренних дел, рейхсминистр продовольствия; член НННП, с 1930 года — член Христианско-национальной партии фермеров и крестьян (консервативной аграрной партии, выделившейся в 1928 году из НННП). Альберт Нойхаус (1873–1948) — рейхсминистр экономики; член НННП. Отто фон Шлибен (1875–1932) — рейхсминистр финансов; член НННП.

⁹³ AdR (WR). Die Kabinette Luther I und II. Dok. 55. S. 207.

⁹⁴ При этом Рейхсбанк мог выполнять это обязательство по своему усмотрению, так как вступление в силу соответствующего пункта Закона о банках (§ 31) было приостановлено до особого распоряжения (§ 52). Директорат и Генеральный совет Рейхсбанка пересмотрели пункт о конвертации банкнот рейхсмарки в золото только в апреле 1930 года (это решение вступило в силу 17 мая 1930 года) [Bresciani-Turroni, 1937. P. 354; Stucken, 1976. S. 251].

торговыми векселями и чеками (то есть за подписью как минимум трех платежеспособных представителей). С введением рейхсмарки Рейхсбанк вновь возвращал утраченную монополию на эмиссию банкнот и получал статус полностью независимого от имперского правительства центрального банковского учреждения [Bankgesetz, 1924. S. 235]⁹⁵. Вплоть до середины 1925 года в Германии обращалось три официальные валюты: марка, рентная марка и рейхсмарка⁹⁶. Контролируемая эмиссия (прежде всего для поддержания соотношения объема денежной массы с реальными потребностями экономики), ограничение кредитования правительства (которое в течение трех месяцев могло рассчитывать только на 400 млн марок для покрытия текущих платежей), сжатие коммерческого кредитования (к которому был вынужден прибегнуть Шахт еще в апреле 1924 года, подняв ставки на краткосрочные кредиты до 45% [Джеймс, 2003. С. 36]) и укрепление курса рейхсмарки на международном рынке (путем обеспечения ее свободной конвертации за счет достаточных объемов золотовалютных резервов банка⁹⁷), — всё это должно было оказывать благоприятное воздействие на монетарную стабильность, что, в свою очередь, являлось важным фактором восстановления доверия со стороны союзнических государств, международных кредиторов и инвесторов.

Заключение

1924 год стал решающим для хозяйственной стабилизации Германии. За сравнительно короткий промежуток времени немцы смогли преодолеть финансовый кризис и ввести устойчивую валюту — рейхсмарку, просуществовавшую до 1948 года. Германскому правительству при посредничестве Соединенных Штатов удалось достичь конкретных шагов в решении репарационной проблемы. К этому времени во Франции к власти пришло правительство Эдуарда Эррио, более открытое к диалогу с Германией (в отличие от прежнего конфронтационного курса правительства Пуанкаре). Однако последовавшие годы ускоренного экономического развития Веймарской республики вовсе не стали для нее «золотыми двадцатыми» в части экономического процветания⁹⁸. Почему? Причину следует искать не только в степени хозяйственного «выздоровления» Германии, но и в результатах деятельности первых веймарских кабинетов в 1919–1924 годы.

⁹⁵ Это, впрочем, не исключало сохранения международного надзора за Рейхсбанком (во исполнение условий репарационных обязательств согласно плану Дауэса), поскольку половина из четырнадцати членов Генерального совета банка были представителями зарубежных государств (США, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерландов, Италии и Швейцарии).

⁹⁶ Официальный обмен старой марки на новую рейхсмарку прекращался 5 июля 1925 года. Для вывода из обращения рентной марки потребовалось более десяти лет (официально она была изъята из оборота в результате денежной реформы 20 июля 1948 года). Подробнее см.: [Болдырев, Невский, 2014].

⁹⁷ Так, золотовалютные резервы Рейхсбанка увеличились с 592 млн золотых марок в апреле 1924 до 1,3 млрд в августе 1924 года и с 1,5 млрд в сентябре 1925 до 2,5 млрд в марте 1926 года [Stucken, 1976. S. 265, 267].

⁹⁸ Как известно, термин «золотые двадцатые» широко используется для характеристики расцвета духовной культуры Германии, получившей свободу творчества и самовыражения после авторитарного правления, но никак не процветания хозяйства Веймарской республики.

Урсула Бюттнер назвала Веймарскую Германию «республикой, предъ-являвшей чрезвычайно высокие требования» [Büttner, 2008]. Возникает вопрос: к чему? К кому? Возможно, к себе? Анализ планов и конкретных результатов экономических мероприятий веймарских политиков «первого часа» позволяет сделать вывод, что в качестве «вызова времени» они рассматривали идею «социального государства» как «будущую перспективу» развития Германии — причем отнюдь им не чуждую. Она соответствовала как интересам преобладавших в первых кабинетах демократически настроенных политиков, так и традициям «государственного социализма» эпохи Бисмарка, а также наметившейся общемировой тенденции усиления регулирующей роли государства в социально-экономической сфере.

Руководство Веймарской республики, придерживавшееся конституционно-правовых принципов, предприняло решительную попытку перехода от авторитарных структур к демократическим, поставив перед собой при этом непомерно сложные задачи в экономической и социальной сферах. В кризисные 1919–1924 годы в Германии произошло заметное смещение соотношения сил государства и бизнеса в пользу первого. Проведенные налоговая, финансовая и денежная реформы позволили создать надежный институциональный базис для поступательного развития германской экономики в долгосрочной перспективе. Уже к концу 1926 года можно было говорить о вступлении немецкого хозяйства в фазу роста, причем позитивные тенденции наблюдались практически везде — в промышленности, в банковской сфере, в государственных финансах, в динамике роста доходов населения. Правительство всё больше стало акцентировать внимание на таких вопросах, как продолжительность рабочего времени, заключение коллективных договоров, деятельность профсоюзов, жилищная политика и проч. Веймарская республика заявила о себе как о социальном государстве.

Однако все государственные преобразования в тот период были обусловлены влиянием ряда факторов, из которых репарационная проблема стояла на первом плане. Для германского общества в целом и хозяйственной элиты в частности в качестве «вызова времени» в первую очередь выступала «идея Версаля», что в экономическом контексте означало решение вопроса о репарационных обязательствах. Германский крупный бизнес частично уступил свои позиции государству под натиском послевоенного кризиса, но с началом стабилизации, когда к власти пришли более умеренные политические силы, он стал их себе возвращать. Главным объектом критики при этом оказалась идея «социального государства», которая требовала для поддержания институционального базиса достаточных финансовых ресурсов, социально-политического консенсуса и — не в последнюю очередь — международной экономической помощи, прежде всего со стороны Соединенных Штатов. Но это уже другая глава в истории экономической политики кабинетов Веймарской республики.

Литература

1. *Аникин А. В.* История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта. М., 2009.
2. *Артемов В. А., Кардашова Е. В.* Фридрих Эберт — первый президент Германии. Воронеж, 2001.
3. *Болдырев Р., Невский С.* Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 38–65.
4. *Болдырев Р., Невский С.* Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги (окончание) // Экономическая политика. 2014. № 6. С. 25–53.
5. *Варга Е. С.* Начало общего кризиса капитализма. М., 1974.
6. *Винклер Г. А.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии / Пер. с нем. М., 2013.
7. *Гранвиль Б., Фергюсон Н.* Современная Россия и Веймарская республика: высокая инфляция и политический кризис // Вопросы экономики. 1997. № 5. С. 53–70.
8. *Гинцберг Л. И.* Йозеф Вирт: путь к борьбе за мир и сотрудничества между народами // Новая и новейшая история. 1981. № 1. С. 105–124.
9. *Джеймс Г.* Рейхсбанк в период с 1876 по 1945 г. // Пятьдесят лет немецкой марки: Эмиссионный банк и денежное обращение в Германии с 1948 года. М., 2003.
10. *Дроздов В. В.* Политика финансовой стабилизации в Веймарской республике // Актуальные проблемы управления экономикой. Сб. материалов II Международной научно-практической конференции (20 декабря 2009 г.). М., 2009.
11. Записка руководителей АЭГ Ф. Дейча и В. Ратенау канцлеру Германии. Берлин, 17 февраля 1920 г. // Международная жизнь. 1957. № 1. С. 185–186.
12. *Кизилов В., Сапов Г.* Инфляция и ее последствия. М., 2006.
13. *Корнева Л. Н. и др.* Социальная политика и социальное государство в Германии: учебное пособие. Кемерово, 2014.
14. *Кретинин С. В.* Творец «Финансового капитала»: Рудольф Гильфердинг (1877–1941) // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 106–124.
15. *Лопатина М. В.* Социально-экономическая политика германских правительств Генриха Брюнинга 1930–1932 годов: автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Томск, 2013.
16. *Майский И.* Современная Германия. М., Л., 1924.
17. *Мёллер Х.* Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии / Пер. с нем. М., 2010.
18. *Молодчик А. В.* Социально-экономические и политические взгляды и концепции В. Ратенау, 1912–1922 гг.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001.
19. *Патрушев А. И.* Германия в XX веке. М., 2004.
20. *Патрушев А. И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. М, 2007.
21. *Патрушев А. И.* Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009.
22. *Попов Г. Г.* Как плохие институты и политика разрушают экономику. Пример Веймарской Германии // Институциональная экономическая история. 2013. Т. 5. № 2. С. 116–135.
23. *Травин Д.* Европейская модернизация: в 2-х кн. Кн. 1. М., СПб., 2004.
24. *Стрелец М. В.* Политический портрет Маттиаса Эрцбергера // Вестник МГГУ имени М. А. Шолохова. История и политология. 2012. № 2. С. 78–81.
25. *Субботин О. Г.* Становление основ федерализма в Веймарской республике (1919–1923 гг.): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 2000.
26. *Сумленный С.* Топите печи банкнотами // Эксперт Online. 2009. № 1.
27. *Фергюсон А.* Когда деньги умирают / Пер. с англ. Минск, 2012.
28. *Чинилин П. Ю.* Генрих Брюнинг и финансовая реформа в Германии (1930–1932 гг.) // Экономическая история. Реформы и реформаторы. М., 1995.
29. Bankgesetz. Vom 30. August 1924 // Deutsches Reichsgesetzblatt. Teil II 1867–1945. Ausgegeben zu Berlin, den 30. August 1924. Nr. 32.
30. *Becker J.* Konstantin Fehrenbach // Morsey R. (Hg.). Zeitgeschichte in Lebensbildern. Aus dem deutschen Katholizismus des 20. Jahrhunderts. Grünewald u.a., 1973.

31. *Benz W., Graml H.* (Hg.). Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik. München, 1988.
32. *Borchardt K.* Währung und Wirtschaft // Deutsche Bundesbank (Hg.). Währung und Wirtschaft in Deutschland 1876–1975. Frankfurt a.M., 1976.
33. *Brecht A.* Aus nächster Nahe. Lebenserinnerungen 1884–1927. Stuttgart, 1966.
34. *Bresciani-Turroni C.* The economics of inflation. A study of currency depreciation in post-war Germany. London, 1937.
35. *Buchheim Ch.* (2001a). Von altem Geld zu neuem Geld. Währungsreformen im 20. Jahrhundert // Spree R. (Hg.). Geschichte der deutschen Wirtschaft im 20. Jahrhundert. München, 2001.
36. *Buchheim Ch.* (2001b). Währungsreformen in Deutschland im 20. Jahrhundert: ein Vergleich // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 2001. Bd. 88. Heft 2.
37. *Burhop C.* Wirtschaftsgeschichte des Kaiserreichs, 1871–1918. Göttingen, 2011.
38. *Büttner U.* Weimar. Die überforderte Republik 1918–1933. Leistungen und Versagen in Staat, Gesellschaft, Wirtschaft und Kultur. Stuttgart, 2008.
39. *Epstein K.* Matthias Erzberger und das Dilemma der deutschen Demokratie. Berlin, 1962.
40. *Eschenburg T.* Matthias Erzberger. Der große Mann des Parlamentarismus und der Finanzreform. München, 1973.
41. *Ferguson N.* Constraints and room for manoeuvre in the german inflation of the early 1920s // Economic History Review (New Series). 1996. Vol. 49. No. 4. P. 635–666.
42. *Fiederlein F. M.* Der deutsche Osten und die Regierung Brüning, Papen, Schleicher. Inaugural-Diss. zur Erlang. der Doktorwürde der Philosoph. Würzburg, 1966.
43. *Franco G. H. B.* The Rentenmark “Miracle”. Rio de Janeiro, 1987.
44. *Fröhlich M.* (Hg.). Die Weimarer Republik. Portrait einer Epoche in Biographien. Darmstadt, 2002.
45. *Glashagen W.* Die Reparationspolitik Heinrich Brünings 1930–1931. Studien zum wirtschafts- und außenpolitischen Entscheidungsprozeß in der Auflösungsphase der Weimarer Republik. 2 Bde. Bonn, 1980.
46. *Haller H.* Die Rolle der Staatsfinanzen für den Inflationsprozess // Deutsche Bundesbank (Hg.). Währung und Wirtschaft in Deutschland 1876–1975. Frankfurt a.M., 1976.
47. *Hardach K.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert: (1914–1970). Göttingen, 1993.
48. *Henning F.-W.* Das industrialisierte Deutschland 1914 bis 1992. Paderborn u.a., 1997.
49. *Henning F.-W.* Die Industrialisierung in Deutschland 1800 bis 1914. Paderborn u.a., 1989.
50. *Heyde P.* Das Ende der Reparationen. Paderborn, 1998.
51. *Holtfrerich C.-L.* The German Inflation 1914–1923: Causes and Effects in International Perspective. Berlin; N. Y., 1986.
52. *Knapp T. A.* Joseph Wirth (1879–1956) // Zeitgeschichte in Lebensbildern. Aus dem deutschen Katholizismus des 20. Jahrhunderts. Grünewald, Mainz, 1973.
53. *Knortz H.* Wirtschaftsgeschichte der Weimarer Republik: Eine Einführung in Ökonomie und Gesellschaft der Ersten Deutschen Republik. Göttingen, 2010.
54. *Laidler D. E., Stadler G. W.* Monetary explanations of the Weimar Republic’s hyperinflation: Some neglected contributions in contemporary German literature // Journal of Money, Credit and Banking. 1998. Vol. 30. No 4. P. 816–831.
55. *Laubach E.* Die Politik der Kabinette Wirth 1921/22. Lübeck, 1968.
56. *Leidel H.* Die Begründung der Reichsfinanzverwaltung. Diss. Bonn, 1964.
57. *Luther H.* Zusammenbruch und Jahre nach dem ersten Krieg in Essen. Erinnerungen des Oberbürgermeisters Dr. jur. Dr. med. h.c. Hans Luther. Sonderdruck. Heft 73. Essen, 1958.
58. *Müller T. B.* Demokratie und Wirtschaftspolitik in der Weimarer Republik // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2014. Heft 4. S. 569–601.
59. *Neumann S.* Die Parteien der Weimarer Republik, Wesen und Wandel nach dem Kriege. Mit eine Einführung von Karl Ditrich Bracher. 5 Aufl. Stuttgart u.a., 1986 (1-st ed.: Berlin, 1932).
60. *Pfleiderer O.* Die Reichsbank in der Zeit der großen Inflation, die Stabilisierung der Mark und die Aufwertung von Kapitalforderungen // Deutsche Bundesbank (Hg.). Währung und Wirtschaft in Deutschland 1876–1975. Frankfurt a.M., 1976.

61. *Pritzkeleit K.* Das kommandierte Wunder. Deutschlands Weg in zwanzigsten Jahrhundert. Wien u.a., 1959.
62. *Pünder H.* Von Preußen nach Europa. Lebenserinnerungen. Stuttgart, 1968.
63. *Ritschl A.* Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934. Binnenkonjunktur, Auslandsverschuldung und Reparationsproblem zwischen Dawes-Plan und Transfersperre. Berlin, 2002.
64. *Ritschl A.* The pity of peace: Germany's economy at war, 1914–1918 and beyond // S. Broadberry, M. Harrison (eds.). The economics of World War I. Cambridge, 2006.
65. *Rittmann H.* Deutsche Geldgeschichte seit 1914. München, 1986.
66. *Schulze-Bidlingmaier I.* Joseph Wirth (1879–1956) // Sternburg W.v. (Hg.). Die deutschen Kanzler. Von Bismarck bis Schmidt. Königstein im Taunus, 1985.
67. *Stammen T.* Die Weimarer Republik. Das schwere Erbe. Bd. 1. 1918–23. München, 2001.
68. *Stucken R.* Schaffung der Reichsmark, Reparationsleistungen und Auslandsanleihen, Konjunkturen (1924–1930) // Deutsche Bundesbank (Hg.). Währung und Wirtschaft in Deutschland 1876–1975. Frankfurt a.M., 1976.
69. *Tullio G.* Inflation and currency depreciation in Germany, 1920–1923: A dynamic model of prices and the exchange rate // Journal of Money, Credit and Banking. 1995. Vol. 27. No 2. P. 350–362.
70. Verordnung über die Errichtung der Deutschen Rentenbank. Vom 15. Oktober 1923 // Deutsches Reichsgesetzblatt. Teil I. 1867–1945. Ausgegeben zu Berlin, den 17. Oktober 1923. Nr. 100.
71. *Walter R.* Wirtschaftsgeschichte. Vom Merkantilismus bis zur Gegenwart. Köln u.a., 2011.
72. *Webb S. B.* The supply of money and Reichsbank financing of government and corporate debt in Germany, 1919–1923 // Journal of Economic History. 1984. Vol. 44. No 2. P. 499–507.
73. *Wissell R.* Aus meinen Lebensjahren / Hrsg. von Ernst Schraepler. Berlin, 1983.
74. *Zinn K. G.* Hans Luther (1879–1962) // Sternburg W.v. (Hg.) Die deutschen Kanzler. Von Bismarck bis Schmidt. Königstein im Taunus, 1985.

Ekonomicheskaya Politika, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 176-208

Tatyana EVDOKIMOVA^a, Dr. Sci. (History), professor. E-mail: eva_tan@mai.ru.

Sergey NEVSKIY^b, Cand. Sci. (Econ.), associate professor. E-mail: nevs kij@econ.msu.ru.

^a Department of history and law, Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400066, Russian Federation).

^b Faculty of economics, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1/46, Moscow, 119991, Russian Federation).

Institutional Reforms and Economic Policy of the Cabinets of the Weimar Republic in the 1919–1924s

Abstract

The article analyzes the economic policies of the first cabinets of the Weimar Republic during the overcoming of the post-war crisis and the transition towards stabilization. The authors describe the variants of the economic transformation programs and investigate the process of preparation and implementation of institutional reforms. It is shown that the adequacy of practices and policies of the first Weimar cabinets corresponded with the “current challenges” and concrete needs of German society. The main attention is focused on building a strong foundation of a social-oriented state as well as on solving the problem of reparations.

Key words: Weimar Germany, economic policy, idea of the “social state”, reparations, hyperinflation, institutional changes, financial reform, monetary reform, Reichsbank, stabilization policies.

JEL: E 31, E 58, N44, O23, P16.

References

1. Anikin A. V. *The history of financial shocks. The Russian crisis in the light of international experience.* Moscow, 2009.
2. Artemov V. A., Kardashova E. V. *Friedrich Ebert — the first German president.* Voronezh, 2001.
3. Boldyrev R., Nevskij S. Monetary reforms in postwar Germany (1948): Preparation, conduct, results. *Ekonomicheskaya politika*, 2014, no. 5, pp. 38–65.
4. Boldyrev R., Nevskij S. Monetary reforms in postwar Germany (1948): Preparation, conduct, results (The ending). *Ekonomicheskaya politika*, 2014, no. 6, pp. 25–53.
5. Varga E. S. *The beginning of the general crisis of capitalism.* Moscow, 1974.
6. Vinkler G. A. *Weimar 1918–1933: History of the first German democracy.* Moscow, 2013.
7. Granvil B., Fergyson N. Modern Russia and the Weimar Republic: High inflation and political crisis. *Voprosy Ekonomiki*, 1997, no. 5, pp. 53–70.
8. Gintsberg L. I. Joseph Wirth: the way to the struggle for peace and cooperation among nations. *Novaja i Noveyshaya Istorija*. 1981, no. 1, pp. 105–124.
9. Dzheyms G. Reichsbank during the period from 1876 to 1945. In: *Fifty years of the Deutsche Mark: The Bank of Issue and the monetary circulation in Germany since 1948.* Moscow, 2003.
10. Drozdov V. V. The policy of financial stabilization in the Weimar Republic. In: *Actual problems of economic management. The collection of materials of the II International Scientific Conference (20 December 2009).* Moscow, 2009.
11. The note of the chiefs of AEG F. Deutsch and W. Rathenau to the German chancellor, Berlin, February 17, 1920. *Mezhdunarodnaia Zhizn*, 1957, no. 1, pp. 185–186.
12. Kizilov V., Sapov G. *Inflation and its consequences.* Moscow, 2006.
13. Korneva L. N. et al. *Social policy and social state in Germany: A textbook.* Kemerovo, 2014.
14. Kretinin S. V. Creator of “financial capital”: Rudolf Hilferding (1877–1941). *Novaja i Noveyshaya Istorija*, 2000, no. 6, pp. 106–124.
15. Lopatina M. V. *Socio-economic policy of the German government of Heinrich Brüning's 1930–1932.* Abstract of thesis of the candidate of historical sciences. Tomsk, 2013.
16. Mayskiy I. *Modern Germany.* Moscow, Leningrad, 1924.
17. Myoller H. *Weimar Republic: Experience of one unfinished democracy.* Moscow, 2010.
18. Molodchik A. V. *Socio-economic and political views and concepts of W. Rathenau, 1912–1922.* Abstract of thesis of the candidate of historical sciences. Chelyabinsk, 2001.
19. Patrushev A. I. *Germany in the twentieth century.* Moscow, 2004.
20. Patrushev A. I. *German history: through the thorns of two millennia.* Moscow, 2007.
21. Patrushev A. I. *German Chancellors from Bismarck to Merkel.* Moscow, 2009.
22. Popov G. G. How bad institutions and policies are destroying the economy. An example of Weimar Germany. *Institutsionalnaya Ekonomicheskaya Istorija*, 2013, vol. 5, no. 2, pp. 116–135.
23. Travin D. *European modernization.* In 2 books. Book 1. Moscow, St. Petersburg, 2004.
24. Strelets M. V. The political portrait of Matthias Erzberger. *Vestnik MGGU imeni M. A. Sholohova. Istorija i Politologija*, 2012, no. 2, pp. 78–81.
25. Subbotin O. G. *The formation of the foundations of federalism in the Weimar Republic in the 1919–1923s.* Abstract of thesis of the candidate of historical sciences. Minsk, 2000.
26. Sumlennyi S. Burn banknotes in stoves. *Ekspert*, 2009, no. 1, pp. 44–52.
27. Fergyson A. *When money dies.* Minsk, 2012.
28. Chinilin P. Ju. Heinrich Brüning and the financial reform in Germany, 1930–1932. In: *Economic history. Reforms and reformers.* Moscow, 1995.
29. Bankgesetz. Vom 30. August 1924. In: *Deutsches Reichsgesetzblatt. Teil II 1867–1945.* Ausgegeben zu Berlin, den 30. August 1924. Nr. 32.
30. Becker J. Konstantin Fehrenbach. In: Morsey R. (Hg.). *Zeitgeschichte in Lebensbildern. Aus dem deutschen Katholizismus des 20. Jahrhunderts.* Grünewald u.a., 1973.
31. Benz W., Graml H. (Hg.). *Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik.* München, 1988.
32. Borhardt K. Währung und Wirtschaft. In: Deutsche Bundesbank (Hg.). *Währung und Wirtschaft in Deutschland 1876–1975.* Frankfurt a.M., 1976.
33. Brecht A. *Aus nächster Nahe. Lebenserinnerungen 1884–1927.* Stuttgart, 1966.

34. Bresciani-Turroni C. *The economics of inflation. A study of currency depreciation in post-war Germany*. London, 1937.
35. Buchheim Ch. Von altem Geld zu neuem Geld. Währungsreformen im 20. Jahrhundert. In: Spree R. (Hg.). *Geschichte der deutschen Wirtschaft im 20. Jahrhundert*. München, 2001a.
36. Buchheim Ch. Währungsreformen in Deutschland im 20. Jahrhundert: ein Vergleich. In: *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 2001b, Bd. 88, Heft 2.
37. Burhop C. *Wirtschaftsgeschichte des Kaiserreichs, 1871–1918*. Göttingen, 2011.
38. Büttner U. *Weimar. Die überforderte Republik 1918–1933. Leistungen und Versagen in Staat, Gesellschaft, Wirtschaft und Kultur*. Stuttgart, 2008.
39. Epstein K. *Matthias Erzberger und das Dilemma der deutschen Demokratie*. Berlin, 1962.
40. Eschenburg T. *Matthias Erzberger. Der große Mann des Parlamentarismus und der Finanzreform*. München, 1973.
41. Ferguson N. Constraints and Room for Manoeuvre in the German Inflation of the Early 1920s. In: *The Economic History Review (New Series)*, 1996, vol. 49, no. 4, pp. 635–666.
42. Fiederlein F. M. *Der deutsche Osten und die Regierung Brüning, Papen, Schleicher*. Inaugural-Diss. zur Erlang. der Doktorwürde der Philosoph. Würzburg, 1966.
43. Franco G. H. B. *The Rentenmark "Miracle"*. Rio de Janeiro, 1987.
44. Fröhlich M. (Hg.). *Die Weimarer Republik. Portrait einer Epoche in Biographien*. Darmstadt, 2002.
45. Glashagen W. *Die Reparationspolitik Heinrich Brünings 1930–1931. Studien zum wirtschafts- und außenpolitischen Entscheidungsprozeß in der Auflösungsphase der Weimarer Republik*. 2 Bde. Bonn, 1980.
46. Haller H. Die Rolle der Staatsfinanzen für den Inflationsprozess. In: Deutsche Bundesbank (Hg.). *Währung und Wirtschaft in Deutschland 1876–1975*. Frankfurt a.M., 1976.
47. Hardach K. *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert: (1914–1970)*. Göttingen, 1993.
48. Henning F.-W. *Das industrialisierte Deutschland 1914 bis 1992*. Paderborn u.a., 1997.
49. Henning F.-W. *Die Industrialisierung in Deutschland 1800 bis 1914*. Paderborn u.a., 1989.
50. Heyde P. *Das Ende der Reparationen*. Paderborn, 1998.
51. Holtfreich C.-L. *The German Inflation 1914–1923: Causes and Effects in International Perspective*. Berlin, N. Y., 1986.
52. Knapp T. A. Joseph Wirth (1879–1956). In: *Zeitgeschichte in Lebensbildern. Aus dem deutschen Katholizismus des 20. Jahrhunderts*. Grünewald, Mainz, 1973.
53. Knortz H. *Wirtschaftsgeschichte der Weimarer Republik: Eine Einführung in Ökonomie und Gesellschaft der Ersten Deutschen Republik*. Göttingen, 2010.
54. Laidler D. E., Stadler G. W. Monetary explanations of the Weimar Republic's hyperinflation: Some neglected contributions in contemporary German literature. *Journal of Money, Credit and Banking*, 1998, vol. 30, no. 4, pp. 816–831.
55. Laubach E. *Die Politik der Kabinette Wirth 1921/22*. Lübeck, 1968.
56. Leidel H. *Die Begründung der Reichsfinanzverwaltung*. Diss. Bonn, 1964.
57. Luther H. *Zusammenbruch und Jahre nach dem ersten Krieg in Essen. Erinnerungen des Oberbürgermeisters Dr. jur. Dr. med. h.c. Hans Luther*. Sonderdruck. Heft 73. Essen, 1958.
58. Müller T. B. Demokratie und Wirtschaftspolitik in der Weimarer Republik. *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 2014, Heft 4, S. 569–601.
59. Neumann S. *Die Parteien der Weimarer Republik, Wesen und Wandel nach dem Kriege*. Mit einer Einführung von Karl Ditrich Bracher. 5. Aufl. Stuttgart u.a., 1986 (1st ed.: Berlin, 1932).
60. Pfeleiderer O. Die Reichsbank in der Zeit der großen Inflation, die Stabilisierung der Mark und die Aufwertung von Kapitalforderungen. In: Deutsche Bundesbank (Hg.). *Währung und Wirtschaft in Deutschland 1876–1975*. Frankfurt a.M., 1976.
61. Pritzkolet K. *Das kommandierte Wunder. Deutschlands Weg in zwanzigsten Jahrhundert*. Wien u.a., 1959.
62. Pünder H. *Von Preußen nach Europa. Lebenserinnerungen*. Stuttgart, 1968.
63. Ritschl A. *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934. Binnenkonjunktur, Auslandsverschuldung und Reparationsproblem zwischen Dawes-Plan und Transfersperre*. Berlin, 2002.
64. Ritschl A. The pity of peace: Germany's economy at war, 1914–1918 and beyond. In: S. Broadberry, M. Harrison (eds.). *The economics of World War I*. Cambridge, 2006.

65. Rittmann H. *Deutsche Geldgeschichte seit 1914*. München, 1986.
66. Schulze-Bidlingmaier I. Joseph Wirth (1879–1956). In: W.v. Sternburg (Hg.). *Die deutschen Kanzler. Von Bismarck bis Schmidt*. Königstein im Taunus, 1985.
67. Stammen T. *Die Weimarer Republik. Das schwere Erbe. Bd. 1. 1918–23*. München, 2001.
68. Stucken R. Schaffung der Reichsmark, Reparationsleistungen und Auslandsanleihen, Konjunkturen (1924–1930). In: Deutsche Bundesbank (Hg.). *Währung und Wirtschaft in Deutschland 1876–1975*. Frankfurt a.M., 1976.
69. Tullio G. Inflation and currency depreciation in Germany, 1920–1923: A dynamic model of prices and the exchange rate. *Journal of Money, Credit and Banking*, 1995, vol. 27, no. 2, pp. 350–362.
70. Verordnung über die Errichtung der Deutschen Rentenbank. Vom 15. Oktober 1923. In: *Deutsches Reichsgesetzblatt. Teil I 1867–1945*. Ausgegeben zu Berlin, den 17. Oktober 1923. Nr. 100.
71. Walter R. *Wirtschaftsgeschichte. Vom Merkantilismus bis zur Gegenwart*. Köln u.a., 2011.
72. Webb S. B. The supply of money and reichsbank financing of government and corporate debt in Germany, 1919–1923. *Journal of Economic History*, 1984, vol. 44, no. 2, pp. 499–507.
73. Wissell R. *Aus meinen Lebensjahren*. Hrsg. von Ernst Schraepler. Berlin, 1983.
74. Zinn K. G. Hans Luther (1879–1962). In: Sternburg W.v. (Hg.) *Die deutschen Kanzler. Von Bismarck bis Schmidt*. Königstein im Taunus, 1985.